

АЛЕКСЕИ ПАВРОВ

ТЕНЬ ДУШИ

Алексей Лавров

Тень души

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68021056

Аннотация

Дух из другой реальности вселяется в Артёма. Парень приходит в сознание в больнице. Он не помнит своего прошлого, у него травма позвоночника, панический страх темноты. Тёма заново знакомится с родителями и начинает познавать мир. Отныне его жизнь – преодоление боли и страха. Ему предстоит долгий путь через систему связанных миров...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	71
Глава 6	86
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Алексей Лавров

Тень души

Глава 1

Стужа сковала лес, казалось, что застыл сам воздух. Лишь изредка спросонья скрипели деревья на крепком морозе, да, ломаясь под тяжестью снежных одежд, трещали ветви. Лесные пичуги, даже бесстрашные дозорные леса сороки не решались нарушить зимнее колдовство.

И будто сам воздух плавно перетекал между стволами. Если бы случайному путнику кто-то специально указал, он бы не сразу разобрал, что это не воздух струится, а, не оставляя следов на снегу, движется довольно крупная белая с серыми пятнами фигура.

Путник же неслучайный, посвященный в кое-какие скрытые от большинства жителей этого мира реалии, воззвал бы к родным богам, прощаясь с жизнью – если б вообще смог его увидеть, определил бы воина-рысь на боевой тропе.

Впрочем, в этот раз случайным путникам повезло – ведь даже зверь не убивает для развлечения, а для Глыбы, так звали молодого воина, это дело уже стало просто работой. Он, привычно задействовав силу тотемного предка, наводил на птиц временное оцепенение и бежал от ствола к стволу лёг-

кими рысьими прыжками.

Сейчас в его задачу не входило кого-то непременно убивать, разве что принять последний бой в случае крайней необходимости или если превосходящие силы врагов не оставят другого выбора. Парень бежал вдоль берега замёршей реки в дальнем дозоре охраны большого санного обоза. От него требовалось, если заметит малейшие признаки засады, только издать колдовской, неразличимый чужими, тревожный рысий рык, наблюдать и ждать подмоги.

Слишком много за последние годы появилось поселений изгоев, изгнанных или ушедших из своих родов семей. Сами они, конечно, угрозы представлять не могли, но кое-кто из них явно снюхался со степняками или с разбойными ватагами нурманов. Кочевники на низкорослых мохнатых лошадках и отряды викингов умудрялись глубоко проникать в леса. Целью их набегов всегда являлась только добыча. Так чем нападать на защищённые поселения, гораздо проще и выгодней ограбить обоз на речном льду.

Осторожные рыси собирали караван только после обезбашенных волков и совершенно отмороженных росомах. Пусть в Сколе, богатом торговом поселении, они как первые получали за свои меха, мёд и воск лучшие товары по самому выгодному курсу – им частенько приходилось доплачивать собственной кровью.

И осторожные рыси просто по природе своего тотемного предка не могли относиться к любой опасности формально.

Глыба бежал, очистив сознание от мыслей, в ежесекундной готовности к встрече с врагом. Более того, в полной уверенности, что встреча неизбежна. Парня так воспитывали с детства в секретном урочище клана, куда его отправили, заметив в мальчишке способности к колдовству.

Это была первая зима, первый поход воина-рыси Глыбы. Но этот реальный выход на боевую тропу практически ничем не отличался от учебных походов или от обязательных испытаний. Он ко всем походам относился как настоящая рысь – природа тотемного предка стала частью его натуры.

Едва Глыба ступил на боевую тропу, время для него пропало. Существовало лишь «здесь» и «сейчас». Весь мир, все мысли исчезли, его духом и телом руководил дух тотема. Когда на краю сознания раздалось благодушное урчание сородича – сигнал о смене – он не сразу смог бы назвать собственное имя. Просто неосознанно, инстинктивно повернул к реке.

Почти до самого берега двигался воин-рысь, готовый к схватке, и, лишь увидев множество людей на лыжах, передовой отряд, вернулся обычный парень. Он посмотрел на солнышко, определил время. Его выход занял около двух часов.

Глыба снял со спины белый в серых пятнах продолговатый чехол, вынул короткие лесные лыжи. Сунул ступни в подставки, затянул ремешки поверх валенок. Снял маскировочную накидку, сложил, с пустым чехлом засунул в котомку и побежал к обрывистому берегу. Лихо скатился со склона,

пробежал по льду и присоединился к веренице лыжников.

* * *

Его, конечно, заметили, но никто не подал вида, лишь братец Сила улыбнулся глазами. Даже ратникам рода не следует знать, кто из них тотемный воин, а простым родовичам должно быть ведомо о воинах-рысях только то, что они существуют, и множество сказочных небылиц. Своим всё ясно без слов, для остальных же Глыба просто бегал по поручению вождя в обоз.

Глыба бежал со всеми вместе, как и не было двухчасового напряжения его колдовских сил, сил его духа. На первых шагах постижения пути рыси после пяти минут тотемного воплощения ему требовалась часовая медитация для восстановления нормального тока жизненных струй. Сейчас же он просто позволил мыслям течь ленивой змеёй.

Это обычное для него нынешнего состояние тоже вырабатывалось долгими тренировками. Никакие мысли не должны тревожить дух, иначе это не мысли, а страсти. Взгляд рыси ничего не выражает, никуда не направлен, ничто не нарушает кошачьей безмятежности... потому прыжок рыси всегда внезапен и неотразим.

Слабость и сила рысей в глубине, высокой степени проникновения тотемным духом. Его «рабочее» время два часа непрерывно с интервалом в сутки – весьма неплохой по-

казатель для их клана. В случае крайней необходимости он продержится три часа. А после четырёх...

Тотемные кланы племени тесно общаются, проводят для молодых встречи, устраивают поединки, откровенно обмениваются опытом и знаниями. Так заведено волхвами. Они поддерживают между кланами вечный мир – волхвы просто уничтожат любой взбесившийся клан.

Так вот, Глыба знает, что волки воплощаются на сутки, росوماхи на день, для медведей, горностаев, вепрей средний показатель шесть часов. Но они лишь приближаются к тотемному духу, призывают его, действуют сообща с ним. Только рыси способны полностью проникаться тотемным духом, звереть по-настоящему. Потому он, ещё молодой воин-рысь, не уступает в схватке опытным росوماхам или матёрым волкам.

Но и плата высока. Тотемный дух непостижим, одарённых ребят тянет к нему. Глыба очень хорошо помнил, как тотем отбрасывал его через какие-то минуты робких погружений, и он настырно лез снова, чтобы приблизиться к духу сильнее. Тяжёлые тренировки продолжались все годы его детства и юности. И в определённый момент тотем разрешил быть с ним сколько угодно – это и есть момент становления тотемного воина.

Тотемному воину нужна большая сила собственного духа, чтобы остаться человеком. Чтобы вернуться... Глыба знает, что через четыре часа воплощения уже точно не вернётся,

его поглотит сладостное зверство – он станет зверем в облике человека. Лешаком. И его скорее рано, чем поздно, уничтожат волхвы. Вот об их воинах в кланах почти ничего не знают.

Только вепри и медведи могут поручиться перед ведунками за своих озверевших сородичей, оставить их жить в клане... в клетке или на привязи. Они умеют приручать своих зверей. Их молодые с десяти лет возятся с дикими кабанами и медведями, катаются даже и уже являются грозной силой. Глыбе по-кошачьи страшно представить себе атаку всадников-подростков на вепрях. Полтонны свирепости на бешеной скорости – кошке остаётся только уйти с их тропы. Как всё-таки хорошо, что у кланов вечный мир!

Вот потому, что рыси ходят по самому краю зверства, им больше остальных приходится быть людьми. Им нужнее всех холодный разум. Взгляд кота никуда не направлен, ничего не выражает. Кот лениво щурится на солнце и не понять, о чём размышляет.

* * *

Глыба бежал на лыжах и с безучастным лицом шурился, оглядывая окрестности. Он размышлял о своём отце, Горыне, ратном вожде рода и главе рысей.

Главы кланов вместе со старейшинами родов входят в совет племени. Но терпят кланы только потому, что они полез-

ны. Тотемные воины проявились во времена больших войн между племенами, и волхвы организовали первые кланы, занялись поиском и обучением одарённых тотемным колдовством ребят. Появление кланов положило конец войнам племён, сделав победу кого-то одного практически недостижимой.

Как в других племенах, Глыба не знал – волхвы, мягко говоря, не приветствуют общение с кланами чужаков. Но он мог уверенно предполагать, что и там, как у них, кланы хранят мир с соседями и внутри племени и также собирают и охраняют караваны в торговые поселения.

Кланы сами по себе, отдельно – они не колдуны и не роды племени. Волхвы тотемное колдовство считают низким, а в родах просто боятся «оборотней». Для родов они слишком малочисленны. Нет же никакой гарантии, что у набранных в разных родах одарённых пацанов потом родятся дети с колдовскими способностями.

Правда, замечено уже, что, чем больше у ребёнка предков из тотемных кланов, тем больше шансов, что он родился с колдовскими способностями. Ходят слухи, что волхвы как-то специально устраивают браки, что могут точно предсказать, у кого родится будущий сильный ведун. Хотя это сказки, конечно.

Вот у Горыни всего два сына: старший Сила, могучий, умелый, но обычный ратник, и он, Глыба, тотемный воин. Трёх их сестёр отдали в жёны в кланы росомах, волков и гор-

ностаев, и для двух девчонок отец ждёт предложений. Братъ жён в других кланах обычное дело для тотемных воинов. У Глыбы по матушке дед росомаха, бабка из горностаев. А в прадедах и прабабках представители практически всех тотемных кланов.

Его отец по-настоящему великий вождь и глава клана. Когда он молодым воином после посвящения пришёл в родное поселение повидаться с родными, нашёл пепелище и трупы. Обычное следствие набега разбойных нурманов. Мужики сражались и были перебиты, только немногим бабам с детьми удалось спрятаться в лесу.

Горыня решил остаться с родными и позвал друзей из клана на помощь. Он каким-то образом убедил тогдашнего главу клана, и тот отпустил их на время. Парни взяли в роду по несколько жён и впряглись в тяжёлую работу восстановления.

Им, конечно, помогали волхвы, но главные труды легли на их плечи. В других родах ратный вождь просто ведёт в бой ополчение и голоса в совете не имеет – за этим строго следят волхвы. Горыня же занял положение полноправного члена совета старейшин. Он с друзьями, молодыми воинами рысей, стали основой постоянной дружины рода, и в этом волхвы словно не заметили ничего необычного. Или временно закрыли на это глаза.

Мудрая политика Горыни принесла роду множество выгод без громких побед и «исторических» крылатых изрече-

ний. Кошки осторожны и молчаливы. Он наравне со всеми брался, и за обычный топор, и за боевую секиру. Набеги отражались с большим ущербом для нападавших, поселение росло, род богател, налаживались связи с другими влиятельными родами...

А когда пришла пора «возвращаться» в клан... его не поторапливали, он сам решил, что пора возвращаться, когда старый глава клана отошёл в Светлый Ирий. Отец не изменил данному слову, вернулся и был избран новым главой клана. Если уж волхвы не возражали против его положения вождя, то и рыси легко увидели выгоды в тесных связях с богатым родом. Со временем он стал их родом, а они его кланом-покровителем.

Отец никогда в жизни не нарушил данного слова, ни в одном пункте не преступил договоров, всегда почитал предков и обычаи. Так по обычаю его сыновьям не только не полагается что-либо «наследовать», не допускается и намёка на малейшую поблажку. Отец на людях избегал на них смотреть, даже отдавая сухо-небрежно рутинные приказания куда-то сбегать и что-нибудь проверить или передать. Его дочери – ценнейший приз и будущее сокровище влиятельных кланов. Его сыновья – мученики, заложники традиций.

Старший Сила никогда не знал другого отношения, всё переносил достойно и уже добился честной отвагой и воинским умельством уважения среди ратников. Но младший воспитывался в секретном урочище, а там глава клана был

одним из наставников. Глыба узнал его настоящего.

Горыня не только придумал завести постоянную дружину рода, он много трудился над её боеспособностью. Как глава клана ввёл в обучение воинов-рысей путь меча и копья. Как вождь и старшина совета рода не жалел серебра на покупку доспехов и оружия.

Отец рассказывал о воинах нурманов, о варанге римских кесарей, где в основном служили те же нурманы. Пусть тотемный воин легко победит любого иноземного воина, отряд викингов наверняка одолеет в открытом бою такой же по численности отряд тотемных. Воины кланов очень хороши в лесах, во внезапных скоротечных стычках, но...

Не всегда же народ их будет жить в лесах! В иных землях строятся большие каменные города! На землях племён изгои тоже устроили торговые поселения и наняли для защиты дружины викингов. Вместе с ними ведут в дальних краях торговлю...

На этом Горыня обычно прекращал отвлечённые речи. Только в последнее лето Глыбы в урочище клана, перед решающими испытаниями поведал сыну, как он ненавидит этот древний обычай! Какая эта мука не иметь возможности улыбнуться своему ребёнку, сказать ласковое слово!

Он поклялся, что любыми способами передаст ему власть вождя и главы. И Горыня верит, что Глыба сделает всё, чтобы уже открыто передать власть своему сыну. А для этого им предстоит сделать первый, очень важный шаг.

Воин-рысь Глыба с побратимами и ратниками дружины рода охранял большой караван, но не только это. Отец взял сына в Скол на смотрины к конунгу. Брак Глыбы с княжеской дочерью должен стать важным шагом к большому союзу города, кланов и родов. Без волхвов... э... то есть ну, какое им до этого дело!

* * *

Глыба безмятежно скользил отсутствующим взглядом по заснеженным берегам реки. Никакие эмоции не могли помешать плавному течению его мыслей. И, конечно же, это просто блеснуло солнышко в равнодушных зелёных с жёлтыми пятнами его кошачьих глазах, когда он подумал о волхвах. Тем более о волхвах!

Каждый человек знает, что лишь милостью родных богов жив народ, а милость их напрямую зависит от кудесников. Наверное, нигде больше так не почитают богов, и волхвов заодно, как в их роду!

Когда разбойники практически уничтожили родовое поселение, вообще волхвам было плевать – такова воля богов. Выживших женщин и деток охотно приняли бы в других родах. Однако не всё равно было волхвам их рода – их нигде бы не приняли, все места заняты. Потому они с пылом помогали Горыне и отстаивали его позицию перед своими руководителями. Глыба предполагал даже, что они попросту делятся с

кем надо тем, чем от всего сердца награждал их Горыня, то есть род, за заступничество перед богами.

Волхвы говорят, и люди им верят, что лишь боги определяют человеческие судьбы. Глыба тоже не сомневался, наблюдая за ходом жизни рода. Вот бежит себе обоз по речке, вроде, ничего особенного. Бежит споро, с ровной скоростью, с толком нагруженные сани не ломаются, лошадки сыты, здоровы, все в караване знают своё дело.

Причём, все знают только своё дело. Даже он, тотемный воин Глыба, не мог сказать, в каком месте обоз остановится на ночёвку. Отец не раньше, чем за час, дал приказ, и те, кого это касается, сначала проверили место и подступы к нему, ратники встали в охранении, рыси затаились в засадах.

Обоз остановился на отдых уже под охраной дозорных, и всего за полчаса выставили ещё две линии охраны – линию рогаток и поставленных в круг саней. Лошадей увели в центр, обиходили, задали им овса, загорелись костры, над ними повесили котлы с кашей.

Чинно в свою очередь черпая из котла, Глыба продолжал думать о своём. Конечно же, только боги определяют судьбы! Потому лишних людей в обозе нет. Это же сами боги направили Горыню в годину бедствий в заимки изгоев. Он приходил лично, почтительно кланялся очагу и ласково предлагал войти в его род. Клятвенно обещал помощь и защиту от любых притеснений.

В изгои чаще всего уходят охотники, те, у кого хватает ду-

ха и сил рассчитывать лишь на себя. Однако в общине, сообщая, намного легче и безопаснее. Люди охотно верили слову Горыни, и он никого не обманул. Волей богов род быстро рос, росло его богатство.

Другие кланы живут без своих родов. Они загодя рассылают в поселения гонцов с сообщением, что собирают караван и назначают место сбора. А как до него доберутся из родовых поселений, пусть боги думают. Ну и вдобавок последний лешак знает о сборе каравана.

Потом волки, горностаи или росوماхи зачищают леса по маршруту на многие вёрсты в глубину от реки, не разбирая правых и виноватых. А вепри и медведи вдобавок охраняют обозы со своими милыми зверушками и тащат для них отдельный обоз. Какие лошади и сани в караване, как нагружены – дело родовичей или, считай, тех же богов. Кто отстал от каравана... боги им в помощь.

Рыси же никого о своих планах не оповещают – незачем. В поселениях и так знают, что караван их отправится после росوماх и волков. Кто желает участвовать, должен просто загодя прибыть с товаром в поселение рода Горыни и ждать. За исправностью саней и лошадками строго следят ратники рода. Рысь может долго красться, тщательно готовиться...

В один из дней в конце зимы по приказу вождя караван собирается с вечера и выходит утром. Не иначе, с подсказки богов Горыня повелел прорубить в лесах от поселения рода к реке широкую дорогу. Её караван преодолевает всего за

день. Даже если видишь рысь, как она крадётся, её прыжок всегда неожидан.

* * *

Глыба улёгся у костра на еловые ветви и сразу уснул. Кошки не страдают бессонницей. Утром он просто открыл глаза и встал за минуту до сигнала. Ратники перекусили, и передовой отряд побежал вперёд. В своё время за ними тронулся караван.

До Скола оставался всего день хода, вечером они будут в городе. Однако это никак не влияло на движение. В свой черёд Глыба сменил собрата на тропе рыси. После двух часов тотемного воплощения вернулся в передовой отряд. В полдень отец послал вперёд двоих ратников на конях. Ближе к вечеру они вернулись и о чём-то доложили вождю.

Как все, молодой воин ничего не заметил. Он размышлял о богах и судьбах. Вот отец бежит на лыжах, неотличимый от других ратников – в такой же шубе, валенках, с боевой рогатиной и котомкой за спиной. Боги поставили его во главе клана и рода.

Он по воле богов определяет своим людям место и долю. Мудро выбирает. Милостью богов род и клан обходят горести – это самое верное доказательство благосклонности их к Горыне. Но, если боги к нему благосклонны, прямо внушают мудрые мысли... э... ну, причём тут волхвы?

Небеса посерели и пропали во мгле, посыпал лёгкий снежок — добрый знак. Вдали забрезжили множество огней. В душе Глыбы шевельнулись детские воспоминания. Давным-давно в несмышлёном детстве отец брал его с Силой в Скол показать брату отца, погибшего при нападении на родовое поселение. Дед Ероха ещё в юности покинул род, много ходил с купцами в дальние страны на юг и север, и с годами сам сделался в городе богатым купцом и боярином.

Передовой отряд приблизился к вмёрзшей в речной лёд пристани. К ним подъехали на конях двое городских ратников, грозно спросили, что за люди и по какому делу. За всех ответил братец Сила, что в город идёт торговый караван.

Один ратник ускакал доложить, а второй остался с ними поджидать обоз. Через полчаса показались первые сани. Ратник, не оглянувшись, шагом поехал показывать съезд с реки на дорогу. Свет факелов блеснул в кошачьих глазах Глыбы — для городских они все просто лесовики, дикари. Что волхвы, что ратники, что простые родовичи. А в тотемных воинов тут не верят, это всё страшные сказки про оборотней.

Свернули на дорогу и вскоре приблизились к городским стенам из рядов вбитых в землю брёвен. Большие ворота между башен были гостеприимно распахнуты. Горыня с ратниками сошли с дороги и ждали, пока за воротами не скро-

ются последние сани обоза.

Сначала отец с дружиной прошёл на торговую площадь посмотреть, как устроили караван. Для саней лесовиков в городе отвели специальное место. Мужиков ждали общественные бани и трактиры, у некоторых тоже были в городе родня и знакомые – они отправились в гости.

Горыня убедился, что люди обустроены, и в караване поддерживается строгий порядок, велел сыновьям накинуть на спины по увесистому коробу на лямках с подарками, и направился с ними навестить родичей.

Их, конечно, уже ждали. Дед Ероха, кряжистый мужик с пегой коротко подстриженной бородой и весёлыми синими глазками на морщинистом огрубевшем лице встречал на богатом дворе. На правах старшего крепко обнял Горыню и братьев. Внимательно разглядел Глыбу, качая головой и восторженно бормоча:

– Эк вымахал-то мальчонка!

Повёл гостей в высокий терем. Их с дороги отправили в загодя натопленную баню, а потом усадили ужинать. За большим столом в просторной горнице собрались многочисленные сыновья и зятья хозяина. В честь дорогих гостей хозяйки подали пирогов и шипучего мёду.

Наконец, Глыбу и Силу отвели в спальное помещение, уложили на широкие лавки и накрыли тёплыми покрывалами. Для братьев закончился этот очень длинный день, а отец остался с дедом обсуждать последние торговые новости.

С утра, как позавтракали, дед Ероха принялся снаряжать Горыню и парней для визита к князю. Они, конечно, дикари лесные, но ведь и боярские родичи! Служки принесли кафтаны, штаны и сапожки заморского шитья. Богатые шапки. Пояса с серебряным набором, иноземные мечи в ножнах.

Проворные слуги подобрали каждому одежду по размеру, помогли одеться, подтянули. Деда Ероху тоже снарядили, и на глазах Глыбы добродушно лукавый, свойский дедушка превратился в важного боярина в богатой шубе и высокой собольей шапке, с резным посохом в руках. Казалось, он даже на лицо надел особое боярское выражение.

Вышли со двора довольно многолюдной процессией. Впереди шли боярин Ерох с Горыней, за ними Сила и Глыба, а следом сыновья и зятя боярина, приказчики, младшие партнёры. Молодой воин-рысь от непривычности ситуации внутренне подобрался, насторожился. Но лицо его было по-прежнему спокойно, никуда не направленный взгляд безмятежен. Он, как кот, блаженно щурился на ярком солнышке.

Ему многое становилось ясным. Отец долгие годы водит караваны в Скол и беседует с дедом Ерохой. Тот, скорее всего, получил когда-то от рода изрядную тайную помощь мехами, да и потом Горыня должен был его негласно поддерживать. Дед весьма высоко поднялся, стал вхож к князю...

Можно не сомневаться, что они давно тайком обсуждают план их союза. Чтобы стать ещё богаче и влиятельнее, привлечь к союзу новые роды и кланы. Чтобы... э... всё это потом передать ему, Глыбе? Было бы здорово! Вот только волхвы... ну... тут их лучше ни о чём не спрашивать. Ненужно им это всё.

Ничего особенного ведь не происходит. На виду у всех боярин Ерох привёл Горыню на княжий двор выказать почтение – честному ратному вождю и главе клана не пристало таиться. Допустим, окажет ему князь случайную милость под хорошее настроение – совершенно нечему тут удивляться. И ничего оно не значит!

Тем более дед Ероха сказал, что сегодня до полудня князь судит горожан, у кого тяжкие обиды или кто недоволен решениями бояр по торговым спорам. По идее каждый может обратиться к князю с жалобой или просьбой.

* * *

Шли по улицам без спешки, встречные горожане успевали уступить боярину дорогу. От боярского терема до княжеского двора прошли недалеко, вскоре подошли к другому высокому терему за глухим забором. Широкие ворота открыты.

В мощённом ровными колодами дворе стояла толпа нарядного народа. Однако едва Ероха с Горыней вошли в ворота, плечистые парни в одинаковых, красных с чёрным каф-

танах вежливо, но твёрдо попросили людей расступиться.

Через толпу народу по узкому проходу подошли к невысокому возвышению. На нём в большом резном кресле восседал статный муж в богатой шубе и меховой шапке. На шапке венец, а поверх шубы толстая, вычурная цепь – видимо, отличительные знаки княжеской власти. Пальцы могучих рук унизаны перстнями с печатками и самоцветами. Молодое румяное лицо с короткой вороной бородкой неподвижно, взгляд серых глаз строгий.

По правую руку от князя Глыба увидел высоких, плечистых бородачей в железных шлемах, кольчугах, с мечами на поясах или с боевыми топорами – вылитые викинги по рассказам отца. И по бокам помоста стояли ратники в доспехах с луками за спинами.

«А стережётся князь», – подумал Глыба.

Впрочем, князя можно понять – по левую от него руку сидели в креслицах моложавая женщина и совсем юная девушка в собольих шубках. У женщины, наверное, жены князя, холёное лицо надменное, взгляд синих глаз холодный, волосы спрятаны под шапку с тонким венцом.

Зато девушку Глыба разглядывал с удовольствием. Белое, будто прозрачное, личико её зарумянилось от морозца. Платиновой волной струятся на плечики волосы. Чистый лоб, тонкие брови, чуть вздёрнутый миленький носик, припухлые розовые губки и пушистые ресницы в обрамлении больших, странно удивлённых или испуганных серых глаз.

Она прямо посмотрела в его хищные, зелёные с жёлтыми пятнами рысьи глаза. Глыба не отвёл взгляд. Ничуть не изменившись в лице, он продолжал спокойно, чуть снисходительно и уверенно-плотоядно на неё смотреть. Девушка зарумянилась сильнее и потупила взор. Глыба довольно хмыкнул про себя и перевёл взгляд на князя.

Дед Ероха тем временем стукнул резным посохом по деревянной колоде под ногами и зычно заговорил:

– Здрав будь, княже! Спрашивал ты в думе боярской, кто из витязей нашей земли желает послужить в твоей дружине! Вот у племянника моего Горыни, честного ратного вождя рода своего, сыновья: Сила, могучий и опытный уже ратник. И Глыба, молодой пока, да удалый.

– И тебе здравия, боярин, – заговорил вполголоса князь ровным тоном. – И тебе, вождь Горыня, и вам, добры молодцы. Любо мне, что спин не гнёте. Однако же, ты, Ероха, говоришь о службе. А на службе у меня за послушание одно наказание – смерть. Согласны на такую службу?

Горыня заговорил спокойным голосом:

– У нас, княже, схожий обычай. Желаю я, чтоб сыны мои повидали дальние края, да испытали себя в схватках с воинами иных земель. Моё слово отцовское – пусть делают, что потребуется...

Он взял паузу и добавил строго:

– Но коли случится им пролить кровь людей нашего племени, я своею рукой предам их смерти.

– Во как! – хмыкнул князь, качая головой. – А и задал ты задачку!

Он картинно задумался, подперев бороду кулаком и устремив взор вдаль. Задумчиво, будто про себя заговорил:

– Вы гордые, упрямые люди. Княжить у вас нелегко, но и честь велика. Печально мне, что в моей дружине нет добрых витязей сей земли...

Он замолчал, прикрыв глаза. Обернулся к Горыне, сверкнув очами, и властно сказал:

– Что ж, будь по-твоему! Опытный и могучий Сила войдёт в мою личную дружину, к моим хускарлам. И пойдёт со мной в Царьград! Посмотрим на него в походе. А молодой Глыба пока останется здесь охранником при княгине моей.

– Благодарствую, княже, – молвил с достоинством Горыня и сказал сыновьям. – Вы всё слышали. Ступайте, куда укажет князь.

Князь проговорил благодушно:

– Сила, становись по правую руку от меня, а ты, Глыба, по левую от княгини.

Парни поднялись на помост. Старший невозмутимо встал рядом с князем, не замечая насмешливых взглядов его телохранителей. А левее княгини сидела княжна, так Глыба встал рядом с ней, ласково, по-хозяйски посмотрев на девушку сверху.

Шубка скрадывала формы, но вблизи и с другого ракурса фигурка её казалась Глыбе тоже весьма подходящей. Его

не обмануло это представление, он был уверен, что всё спланировали заранее. Смотрины состоялись, князь его одобрил, он одобрил княжну... остаётся только самому понравиться девушке.

Она вдруг отвернулась от него... А нет, просто кого-то рассматривает в толпе. И внезапно раздался залиvistый весёлый смех! Из толпы народа проталкивался русский паренёк, на вид почти мальчишка в одной льняной рубахе, простых штанах и лаптях. На плече он нёс какой-то длинный свёрток.

– Ах-ха-ха! – хохотал он, широко открыв рот. – Какие вы тут все!

Парень подошёл к деду Ерохе, указал на него пальцем и воскликнул:

– Боярин! Ой, не могу! Ха-ха-ха!

Глыба посмотрел на отца, тот стоял мрачнее тучи и угрюмо взирал на этого блажного.

– А ты тут князь? – звонким голосом осведомился пацан у князя. – Правда?! Ха-ха-ха!

Паренёк смеялся, запрокинув голову к небесам. Телохранители князя хмуро переглядывались, не зная, как поступить. Дурака следует выбить со двора, но не им же это делать! Куда смотрят слуги?!

– И у тебя тут суд? Ведь так? – издевательским тоном обратился юноша к князю.

– Тебя кто-то обидел? – ровным тоном проговорил князь.

– Да, – неожиданно спокойно ответил пацан. – Четыре го-

да назад ты, дикая собака, явился в мою деревню со своими бешеными псами! Мужиков вы убили, а баб и детей угнали в рабы!

На дворе повисла звенящая тишина.

– У тебя тут суд, – серьёзно молвил юноша, сняв с плеча свёрток. Он одним движением скинул холстину, явив взорам меч. – Я пришёл судить тебя!

Паренёк поднял меч двумя руками, на лезвии синим и алым полыхнули колдовские символы. Из его глаз колдовским дымом заструился зелёный свет. Хускарлы, наконец, преодолев наваждение, потащили из ножен мечи и шагнули к нему. Глыба, впадая в тотемный транс, коротким взмахом руки опрокидывает кресло с княжной и берётся за рукоять меча. Княгиня начинает подниматься с кресла.

Сила первым выхватил меч и кинулся к мальчишке, целя остриём ему в грудь. Пацан, будто танцуя, легко отскочил и широким махом дотянулся до горла ратника. Сила, фонтанируя кровью, падает...

Продолжая колдовской танец, мальчишка чуть сместился в сторону, а его лезвие крылышком чудовищного мотылька отсекает руку с мечом другого телохранителя.

Горыня, опытный воин-рысь, конечно, тоже впал в тотемную ярость и выхватил меч. В глубоком выпаде бьёт остриём туда, где должен оказаться враг...

И не успевает. Мальчишка прыгает с места и в обратном сальто перепрыгивает двоих хускарлов, решивших атаковать

его с двух сторон. Приземляется и, не оборачиваясь, в прыжке бьёт себе за спину снизу вверх.

Воины, что стояли у помоста, сняли с плеч луки, наложили стрелы...

Один ратник князя, высоко подняв над собой меч, насадился животом на колдовское лезвие. Пацан крутнулся волчком и подсёк второму подколенную жилу. Резко выпрямляется...

Лучники дали залп. Паренёк с опорой на одну руку, смеясь, колесом уходит от стрел. Горыня прыжком рвет дистанцию и наносит длинный колющий удар. Глыба точно знает, где пацан будет через полсекунды. Нужно успеть...

Князь решительно поднимается, вытаскивает из ножен меч – уже наполовину вытащил. Зловещий хохот мальчишки вязнет в ушах. Стрелы пронзают троих телохранителей, что оказались в плохом месте.

Колдовское лезвие отделяет княжескую голову от шеи. Мечи Глыбы и Горыни одновременно пронзают паренька...

Князь встаёт во весь рост, его голова с глухим стуком падает на помост. С шапки слетел венец и покатился обручем. Обезглавленное тело валится, заливая кровью нарядные сапожки Горыни и Глыбы.

Меч выпал из мальчишеской ладони. Паренёк чуть поворачивается и долгое-долгое мгновение его удивительно спокойные глаза смотрят в лицо Глыбы. Зелёный колдовской свет нехотя гаснет.

Княжна рядом с опрокинутым креслицем сжалась клубочком, закрыв личико ладошками. Княгиня стоит застывшая и прямая, с трясущимися губами на бледном лице взирает на голову мужа. Глыба встретился со спокойным взглядом отца. Всё кончилось, пора возвращаться.

Они одновременно выдернули мечи из тела мальчишки, труп тряпичной куклой упал на помост. Не повезло князю, да и хрен с ним...

Эта колдовская тварь убила Силу!

Кажется, они сподобились повидать воина волхвов в действии...

Хотя причём тут волхвы? Какое их дело до этого князя! Разве им интересно, кто убивал людей в какой-то неведомой деревеньке несколько лет назад...

Глава 2

Случалось ли вам смотреть на отражение в зеркале и спрашивать себя, что это за человек? Какое он имеет отношение ко мне? К тому, кем я себя считаю? И кем же я себя считаю ... или являюсь... что это такое – моё «я»?

В интернете пишут, что такими вопросами грузятся неуравновешенные, мнительные подростки, а мой друг Деня говорит, что это свойственно тонко чувствующим, развитым натурам. Возможно, и Деня прав, и в сети несильно ошибаются – ну, может же неуравновешенный, мнительный подросток быть развитой натурой? Что касается Дениса, даже слегка переразвитой – килограмм двадцать точно лишнего.

Ну а ко мне это отношение иметь не может по определению. То есть я не тупой и, само собой, был когда-то подростком. Очень может быть, что мнительным. Мама любит рассказывать, каким я был милым, весёлым, открытым, проказливым...

Я слушаю это как рассказы об умершем в детстве братике. Не помню я детства, как его и не было вовсе. Зато хорошо помню момент второго, настоящего рождения.

– Пи-пи-пи... – раздался ритмичный писк прямо в моей голове.

Я ощутил себя. Болит спина, в мозгах тяжёлая хмарь. Открыл глаза и увидел белый потолок. Станный мягкий свет и

тени. Рядом что-то продолжает противно пищать. Тени вызвали смутную тревогу, пищание раздражало. Попытка повернуть голову отозвалась острой болью в шее. Я немного полежал, бездумно глядя в потолок, и в кадре появилось серьёзное женское лицо. Я отчего-то сразу понял, что это человек, молодая девушка, и она ко мне нагнулась.

– Очнулся, – сказала она деловито и пропала.

«Наверное, это я очнулся», – подумалось мне тогда.

Честно говоря, особой радости я не испытал – болела же спина, шея, правая нога и рука. Второй моей мыслью было, что, раз я очнулся, до этого лежал тут без сознания. И сознание это не бог весть какое сокровище – обходился же без него раньше? Вот и дальше обойдусь, пока не появится достаточных поводов в него возвращаться. Уснул или впал в забытьё.

Когда очнулся снова, комната была наполнена светом. Я подумал, что начался день. Следовательно, прошлый раз я пришёл в сознание ночью. На фоне белого потолка появилось лицо другой молодой женщины. Она спросила, хорошо ли я её понимаю.

Мне стало весело. Откуда-то всплыла мысль, что женщины самые непонятые существа! Что, спрашивается, я должен был понять?! Наверное, я улыбнулся, и она перешла к конкретике:

– Сейчас попробуем покушать.

Вот это я сразу понял очень хорошо, организм радостно

одобрил идею. Хотя ничего радостного вначале не произошло – изголовье и кровать пришли в движение, спину пронзила боль. Однако боль вскоре вернулась к прежним значениям, а в остальном всё пошло чудесно. Я открывал рот, и девушка заносила очередную ложку с супчиком.

Она меня покормила, вернула кровать в исходное положение и ушла, предложив уснуть. Я впал в полудрёму, перепутанную с болью, что просто «ныла» или вдруг принималась «дёргать», а то и «стрелять»... и всё время пищала какая-то дрянь!

А потом пришли родители. Вообще-то, просто в кадре появились новые лица. Что-то по-прежнему пищало, и на меня смотрели серьёзный мужчина и молодая женщина.

– Тёмка! – тихо воскликнула женщина.

– Не узнал? – спросил мужчина мягким баритоном.

– Нет, – прошептал я.

А зачем врать? Я их не то, что не узнал, впервые видел! Впрочем, это их не смутило. Мама расспрашивала, где у меня болит, а папка хмурился. Когда уходили, эти люди заверили, что скоро меня заберут. Наверно, на этом месте я должен был обрадоваться. Ну, улыбнулся.

Они действительно вскоре забрали меня вместе с кроватью. Крепкий парень в салатовой униформе выкатывал её из палаты, а я с досадой думал, что так и не увижу, что тут всё время противно пищало.

Меня катили по коридорам, я смотрел на потолок, на пла-

фоны освещения и датчики пожарной сигнализации. Удивлялся тому, что знаю, что это именно датчики и плафоны, и представлял себе, что лечу над этим техно-фантастическим ландшафтом.

Мы выкатились на улицу, съехали по пандусу. Я с удовольствием смотрел в синее небо с лёгкими облачками. Ласковый ветерок коснулся лица, я подумал – лето. Кровать сложили в носилки и закатали в салон микроавтобуса. Мама и папа залезли со мной и уселись у изголовья. Сказали, что мы едем домой.

По дороге неприятно потряхивало, к счастью мы скоро приехали. Дом к моему удовольствию оказался именно домом, двухэтажным коттеджем, огороженным забором. Я с любопытством вертел глазами, когда меня с кроватью вытащили из микроавтобуса в ухоженном дворике.

Закатали внутрь. Проехали немного по коридору и оказались в небольшой комнате светло-зелёных тонов. Напротив входа окно почти во всю стену, закрытое жалюзи. На стене слева от окна под самым потолком большой экран. На другой стенке, вроде бы, зеркало, заметил только верхний краешек. Я сообразил, что застряну здесь очень надолго. Впрочем, помещение мне нравилось.

Отец установил кровать, чтобы я легко мог видеть экран. Сначала спросил, удобно ли мне, может, чего-нибудь хочется. Я прошептал:

– Не.

– Ты что-нибудь помнишь? – начал он серьёзным тоном.

– Не, – тихонько повторил я.

– Странно, – проговорил он задумчиво. – Речь понимаешь... точно понимаешь? Скажи ещё что-нибудь.

– Да, – сказал я.

– Хм, похоже на иронию, – грустно проговорил папа и принялся рассказывать.

Значит, я их сынок Артём, мне полных тринадцать лет. Мальчишки с нашего двора позвонили в службу спасения, сообщили, что я лежу в пустой шахте лифта на давно законсервированной стройке. С их слов, они случайно мимо там проходили, гуляли.

Упал я с высоты, примерно, в три метра на бетон. У меня ушиб головного мозга, ушибы спины, руки и ноги. Трое суток я пролежал без сознания. Можно было бы сказать, что легко отделался...

Папа замолчал, и заговорила мама. Живём мы, оказывается, не здесь, а в большом многоквартирном доме в другом районе. Это дом бабушки, её отца. Дед, как узнал, что внука не уберегли, потребовал, чтобы меня из больницы забрали и привезли сюда. Он обеспечит лучший уход и лечение. Мама тоже пока со мной тут побудет, а у папы работа, он станет навещать.

Я без особых переживаний принял вводные данные. Немного настораживали слова отца «можно было бы, сказать, что легко отделался», но головой я приложился всё-та-

ки знатно, кружилась зараза, и от долгих разговоров начинало поташнивать. Я тогда просто нагло вырубился.

Вечером я устроил первую в своей новой жизни истерику. Лежал себе, никого не трогал. И вдруг выключили свет. Я натурально заорал! Паника просто лишила меня разума! Свет включили, но я верещал дальше, пока не появилась мама. Она гладила меня по волосам и по щеке, говорила ласково, что всё хорошо, свет больше не выключат. Ася, наша домработница, просто не знала...

Да я и сам о себе такого не знал. Надо же – страх темноты! Вроде бы в моём возрасте это ненормально. Свет горел всю ночь, а на другой день утром пришёл дядька в синем комбинезоне со стремянкой и заменил освещение. Его стало можно просто убавлять или усиливать.

Я частенько размышлял о причинах моей фобии. Вообще, возможностей для размышлений было предостаточно. Примерно месяц я пролежал на кровати. Мама часто меня «проверяла», я в основном дрых. Периодически включала мне мультфильмы, читала книжки вслух, кормила с ложечки. Она обтирала меня гигиеническими салфетками и временами подпихивала под меня судно. И я каждый раз, заливаясь краской, страшно себе клялся, что обязательно встану, и это прекратится.

Добродушная полноватая медсестра «тётя Аня» делала мне уколы в вену и в задницу. Приходил доктор в очках и с аккуратной бородкой, спрашивал о самочувствии, загляды-

вая в глаза, стучал молоточком по локтям и коленям. Приходил другой доктор без бородки и без очков и показывал маме, как заниматься со мной лечебной физкультурой, чтоб я сам сгибал руки, ноги и поворачивался.

Часто навещал отец, и мы беседовали о моём настроении и планах. Я честно говорил, что настроение ровное, а планов нет никаких. Зачем планы, когда я и так лежу? Ну, как туземец под пальмой. Когда-нибудь встану, тогда и появятся планы – в любом случае хуже может быть только смерть. А если не встану, это в принципе и будет смерть.

Папка горячился, обзывал меня дураком и запрещал так думать. Я с ним полностью соглашался – головой же ударился, вот и доктор советует поменьше думать. Отец грустно хмыкал и говорил, что рад за меня, что не раскисаю. Хотя юмор у меня стал действительно ушибленный.

Не знаю, где он увидел юмор, я был совершенно серьёзен. Для меня действительно важнее всего было встать с этой кровати. А зачем... да просто сходить по-человечески в туалет!

Приезжал дед, высокий жилистый, осанистый такой мужик с седой шевелюрой, властным крючконосым и молодым, румяным лицом. И неожиданно ласковым голосом. Впрочем, я думаю, что ласковым голосом в жизни он говорит редко – честно сказать, получается не особо. Дед какой-то важный перец, и домик этот у него не один. Он однажды небрежно пояснил:

– Хотел мамке твоей дурной подарить, когда найдёт нормального парня. Хорошо, что не продал, пригодился всё-таки.

Дед никогда не говорил просто. Он давал оценки, делал выводы и раздавал указания. Я был бледен и тощ и совершенно ему не нравился. Мне, во-первых, следовало усиленно питаться – он обязательно приносил объёмный пакет шоколадок и фруктов и зачем-то сваливал его мне на живот. Во-вторых, я должен думать о хорошем и улыбаться. В-третьих, выздороветь, стать самым сильным, трахнуть на выпускном королеву бала, потом полететь в космос, открыть планету и назвать её в честь деда.

Согласно указаниям я бледненько улыбался. Выводы он мне не озвучивал, но я их вполне ощущал на себе. Меня с кроватью возили на томографию и показывать банде мужиков в строгих костюмах. Приходили трое с азиатскими лицами, одетые в жёлтые балахоны. Один навонял какой-то восточной травой из чашки, второй крутил трещоткой, а третий что-то завывал. Потом явился натуральный чукотский шаман в костюме из шкур и с бубном. Он ходил вокруг нас с кроватью, стучал в бубен и завывал или рычал.

Это было даже прикольно, а вот визиты массажиста меня поначалу не радовали. Суровый лысый дядька своими здоровенными руками легко меня переворачивал со спины на живот и мял, совершенно не реагируя на моё жалобное поскуливание.

Мама мне сказала, что дядька вообще немой, и я стал терпеть, стиснув зубы. Ну, какой смысл скулить, если тебя не слышат? А вскоре я вполне оценил эффект от массажа и с удовольствием засыпал после очередного сеанса. Я уже ждал его прихода, говорил себе, что не боюсь никакой боли и не буду от неё бегать. Тем более скулить!

Голова кружилась меньше, мама начала читать мне книги по школьной программе, включать обучающие фильмы. На кровать установили раму, а к ней подвесили трапедию – я должен был понемногу на ней тянуться. И я тянулся, терпел практически до холодного пота, до потери сознания. Пусть я не знаю, почему так на меня действует темнота, уж какой-то боли в спине меня не испугать!

Рука почти зажила, шея поворачивалась и сгибалась без острой боли, если осторожно, и всё больше времени я проводил в полулежачем положении, выполняя письменные задания – мама устанавливала передо мной удобную подставку.

А однажды отец принёс удивительную штуку. Это был тонкий металлический обруч на голову. С ним я сумел взглядом гонять по экрану курсор и «кликать»! С его помощью я сам смог задавать наклон кровати, режим кондиционера, регулировал яркость освещения, открывал и закрывал жалюзи.

В принципе я мог пользоваться обычной мышкой и клавиатурой, однако требовалось, чтобы кто-нибудь их передо мной поставил. Я этому не особенно огорчился, поскольку играть в видеоигры мог и с обручем. Этот прибор в игре

давал значительные преимущества по сравнению с любыми джойстиками.

Особенно нравились мне симуляторы единоборств и шутеры. Вот где я был настоящим героем! Сначала непроизвольно дёргал руками и ногами, а потом и осознанно пытался повторить движения в реале. Чёрт, растяжка у меня ни в дугу, а о гибкости и речи нет...

Со своего обруча я всегда мог позвонить маме или домработнице, милой чёрненькой девушке Асе. Мне по видеосвязи часто звонили папка и дед, в основном прямо во время прохождения миссии прерывали игру. Вот чтобы я сильно не заигрывался, отец установил лимит по времени два часа в сутки, а дед нанял мне репетиторов – занимались со мной по расписанию в режиме видеоконференции.

Унылая жизнь инвалида, прикованного к кровати, значительно ускорилась, наполнилась событиями и разнообразными переживаниями. Я стал серьёзно задумываться о будущем. Когда встану с этой кровати! Рассматривать вариант, что совсем не встану, я себе запретил. Да, дед у меня важный и папка мужик, но ведь я и сам категорически не согласен существовать в виде куска дерьма на матрасе!

И словно в ответ на мои мысли как-то раз вместе пришли очень серьёзные и торжественные дед и папка, что уже было весьма необычно. Отец принёс большую коробку, а дед традиционный пакет с фруктами и шоколадками.

После обязательных приветствий заговорил, конечно, дед,

а папка вытаскивал из коробки какие-то никелированные трубки и другие штуки. Так вот, дед заявил, что у меня серьёзные проблемы с позвоночником. Если я буду постоянно лежать, они ещё больше осложнятся и станут необратимыми. Мой шанс на нормальную жизнь в движении. Однако двигаться мне не позволяют слабость и боль.

Но есть способ преодолеть эти, вроде бы, неразрешимые трудности. У моего непутёвого отца, оказывается, в голове не одна только каша, и он водит знакомство с интересными людьми. Например, мой обруч как раз их изобретение. А сейчас папка вынимает из коробки и собирает лечебный экзоскелет.

Это как бы наружный скелет, дополнительная опора. Однако этот ещё и активный – у него имеется собственная мускулатура. Папка с друзьями его для меня немного доработали, экзоскелет совместим с моим обручем.

Для меня это не только шанс, но и вызов. Аппарат прибавит недостающих сил, но от боли не избавит. Преодолевать боль мне придётся самому.

– Знаешь, Тёма, – сказал он печально. – Жизнь это и есть боль. Для тебя просто буквально.

Как он был прав! Я заранее возненавидел этот агрегат как своего лютого врага! Его требовалось победить, преодолеть, подчинить! А сначала нужно было просто встать.

Странно устроен человек. Я больше месяца провалился в кровати, постоянно мечтая, как однажды встану и пойду.

Пришла пора вставать, и я... попросил пять минут. Ну, только миссию закончить.

Дед и папка хором засмеялись, а я думал, что хорошо, что не попросил отсрочку до завтра. Это было бы уже не так смешно.

В комнату вошла мама. Дед с папкой к моему облегчению не стали ей рассказывать, что их так развеселило. Отец сдёргнул с меня покрывало и принялся прилаживать ко мне элементы экзоскелета, давая маме необходимые пояснения. Я тоже вникал, так как решил для себя, что когда-нибудь обязательно буду надевать его самостоятельно.

Со слов папки выходило, что над данным экземпляром его фирма работала весь последний месяц, а заказчиком выступал дедушка. Кстати, для папиной фирмочки это, вообще, первый серьёзный заказ.

Дед на это заворчал, что папке просто повезло. Ведущие изготовители за рубежом заявляли просто нереальные сроки и требовали, чтобы не они приехали со своим оборудованием, а меня бы привезли к ним. Сколько это могло занять времени, неизвестно, а он считает важным, чтобы я рос в России и стал патриотом, а не подопытным в «западном» концерне. Тем более за его же доллары – просто чёртову кучу долларов! А фирма моего папки взялась разработать агрегат для его сыночка всего за сто тысяч, и сделали пробный вариант за месяц.

Папа полностью с ним согласился и перешёл к конкрети-

ке. Экзо – так он называл устройство – сделали модульным и разборным. В самом общем смысле это просто специализированный костыль. Я всегда смогу на него опереться.

Он сноровисто собрал у меня на заднице механические трусы с коробками из чёрного пластика. Защёлкнул зажимы, покрутив рычажки, добился плотного прилегания. К коробкам на трусах крепились трубки «бёдер», прикручивались тонкие шланги и подключались провода. Потом коленные модули, тоже покрытые чёрным пластиком, далее «голени» и «стопы».

Приладив нижнюю часть, папка помог мне сесть и, пока мама и дед поддерживали меня, а я дышал носом и очень старался не заорать, закрепил на трусах трубки с подпорками под подмышки. На эти трубки установил плечевые модули и велел мне выпрямить спину.

На этом месте я невольно улыбнулся – мне выпрямить спину! Так, улыбаясь, и терпел дальше. Мама и дед мне помогли, а папка прилаживал подпорку под спину, потом монтировал плечевые модули. А «рук» у экзо не было, папка сказал, что придётся мне обходиться своими.

Наконец, папа заявил, что готово. Меня развернули так, чтобы ноги свисали с кровати, дед с папкой взяли за ручки на плечевых модулях экзо и осторожно поставили меня на пол. Вернее, сняли с кровати, и я выпрямил ноги.

Отец скомандовал:

– Приготовься. Раз... два... три... отпускаем, – и они с

дедом меня отпустили!

Сразу закружилась голова, и я без затей принялся плашмя падать вперёд. Дед с отцом меня, конечно, поймали, поставили ровно, и папка вновь дал отсчёт...

На третий раз я понял, что это надолго. Собрался, и, пусть обливаясь холодным потом, с дрожащими ногами, но стоял. Дед с отцом снова взяли меня за плечи, и отец предложил сделать шаг. Я глубоко вздохнул, чуть приподнял правую ногу и сразу поставил. Получился крохотный шажок. Стал переносить на правую ногу вес, и левая нога как-то сама переставилась дальше, чем я рассчитывал. Для устойчивости решил переставить правую, и опять получился шажок.

Отец и дед направили меня вокруг кровати, и я шёл при их поддержке под лучистым маминым взглядом! Ну, ёлки-палки, для меня это реальное достижение. Папа предложил для первого раза просто обойти кровать. Я доковылял до спинки, повернул налево и увидел его...

Большое зеркало на стене! Я его, конечно, видел раньше, но там не отражалось ничего интересного. А сейчас из него на меня ошарашено таращился тощий, узкоплечий, взъерошенный и очень удивлённый подросток с никелированными трубками, тонкими шлангами и проводами вдоль всего тела. Пацан висел в каркасе, словно его привели в театр, по запарке вместе с курточкой повесили на вешалку в гардеробе и забыли.

Я завис, глядя в изображение... это я? Вот это вот я?!

И собственно, что такое это «я»?

Глава 3

Дед с отцом молча ждали, пока я собой налюбуюсь.

– Тёма, может, тебе лучше на кровать? – с тревогой ласково спросила мама.

На кровать я точно не хотел. Пусть не совсем понятно, что такое «я»... будем считать, что это то во мне, что точно не хочет на кровать. А то, что отражается в зеркале, пусть лучше не скулит! Хотя какая разница...

Я опустил взгляд себе под ноги и напрягся, дав таким образом знать папке и деду, что собираюсь продолжить путь. Сделал шажок-другой, шагнул решительней и остановился. Поднял лицо, оценил дистанцию до цели, спинки кровати.

– Отпустите, – попросил я глухо.

Отец и дед без комментариев убрали руки с моих плеч. Конечно, они были готовы меня подхватить, но я запретил себе думать о них. Стоял сам и не падал. Глубоко дышал, успокаиваясь, набираясь решимости. И в какой-то момент обозлился – ну, что я тут из себя корчу? Вот ведь подвиг – пройти какие-то метры! Смешно и стыдно. И просто шагнул вперёд.

Доковылял до финиша и схватился за спинку кровати, сурово сопя носом. Хватать воздух ртом после нескольких шагов в моём возрасте стыдно. И вовсе у меня не от боли кружится голова, просто тошнит слегка – отвык же от верти-

кального положения.

Подошла мама, промокнула мне лоб салфеткой. Я нарочито не обратил на это внимания и, держась за кровать, потопал дальше. Ну, не мог мой поход закончиться у спинки! Там просто не залезть на кровать, а прилечь мне всё-таки требовалось.

Отец поставил у кровати стул и сказал:

– Попробуй подняться сам.

Я сразу решил, что обязательно залезу. Поставил на стул правое колено. Грудью упал на кровать и закинул левую ногу. Потом просто перевернулся на спину и наискось оказался на кровати. Опершись локтями, ногами выровнялся и подтянулся на подушку. От боли изображение смазалось, я держался на грани обморока, но без экзоскелета я вообще не смог бы это сделать.

– Молодец, – ровным тоном одобрил дед.

Мама хотела снимать с меня экзо, но я запротестовал. Дескать, мне нужно к нему привыкать, и он мне совсем не мешает лежать. Дед меня поддержал и заявил, что он в целом нами всеми доволен, даже папой недоволен гораздо меньше обычного, и сейчас ему, то есть деду, нужно возвращаться к своим важным делам.

Дед с мамой направились к дверям, а папа чуть задержался и вполголоса проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Туалет в коридоре направо, первая дверь.

Я лежал с закрытыми глазами, словно сразу уснул. Все

ушли, а я лежал и думал, ну, с чего папка взял, что мне прям очень интересно, где тут туалет! Допустим, действительно интересно... но на мне ж не написано! Меня так просто просчитать? Ну... вообще-то, я и взаправду подросток. Собственно, прямо засранцем не назвали, а остальное предположения.

Главное, что папка в меня верит! Вот и мне не надо сомневаться. Я перевернулся на живот и принялся разворачиваться поперёк койки. Спустил с кровати правую ногу, нащупал пол и добавил к ней левую. Опираясь руками, выпрямился. Постоял, пережидая резкую боль в спине, и сообразил вдруг, что теперь меня ловить некому. Упаду, придётся ползти – а если увидит мама?

С опорой на спинку стула, поковылял к стенке. Толкать стул не получалось, зараза норовил опрокинуться, а переставлять было просто больно. Дошёл до стенки, дальше пошёл легче. Смешная штука – стенка мне почти ничем не помогала. Только, если упаду, будет проще подняться. Но уже это соображение придавало уверенности.

Я без приключений добрался до туалета и снова оказался в дурацком положении. Поверх трусов ведь робо-трусы экзоскелета! Разобрался в рычажках, немного ослабил и смог сдвинуть тряпичные трусы.

С этим точно нужно что-то думать. Ладно, сейчас справился, а если на улице? Я не сомневался, что скоро выйду из дому. Как-то натягивать штаны поверх экзо? Мне бы больше

подошла юбка, но у нас тут, к сожалению, не Шотландия. А ботинки? Наверное, тоже нужны просто на два-три размера больше.

Впрочем, что толку ломать голову – об этом нужно говорить с отцом. Сделав дела, я поправил трусы, подтянул захваты экзо и вполне собой довольный отправился обратно. В принципе миссия выполнена, осталось красиво вернуться.

* * *

Без приключений доковылял по стеночке до стула, потом со стулом до койки. Залез, улёгся, перетерпел боль и слабость с тошнотой. И продолжил игру на том самом месте, где меня прервали.

Вдохновенно избивал злодеев – ну, реально в тот раз накаатило вдохновение – и предвкушал момент, когда мама придёт меня проверять. Значит, придёт она, спросит, как я себя чувствую, и станет пихать под меня судно. А я небрежно скажу, что не хочу. Уже.

Вот поиграл немного, и пришла мама. Спросила, как я себя чувствую. Я сказал, что хорошо, а она взяла судно... и просто с ним ушла. Не, она вообще выносила этот сосуд скорби, но сейчас-то она унесла его пустое! Молча!

Я завис, глядя ей вслед. Это что же получается? Она знает, что я сумел сходить? А может, даже видела? Ну, ёлки-палки! Где были мои мозги! Уникальный девайс у меня на го-

лове, на стенке здоровенная плазма, сам лежу в дорогушем экзоскелете и рассуждаю, а нет ли здесь видеоконтроля!

И как вовремя я об этом задумался! Я покраснел от своих мыслей... нелегко всё-таки быть подростком. Хотя подросток я только с виду, глупостями не занимался. Вот и дальше нужно быстрее взрослеть и расти.

Приняв это стратегическое решение за основу, я успокоился, и текущие жизненные обстоятельства перестали вызывать слишком сильные эмоции. Я поставил себе главную на данный момент задачу привыкнуть к экзоскелету, сжиться с ним.

Лежать в нём оказалось не очень удобно, не для лежания его придумали. Я задал максимальный подъём спинки кровати. Полусидя стало удобнее, но экран зараза уехал на самый верх области обзора. Пришлось задирать голову, что в моём случае хуже трубок под спиной.

Поразмыслив, я сполз с кровати и перетащил стул к противоположной стенке. Так играть стало намного лучше, но вскоре игра остановилась, и на экране появилось напоминание, что пришло время тянуться на рамке.

Я опять полез на кровать, хотя физических упражнений и так, вроде бы, хватало. Но это решать доктору, а мне думать не нужно, только выполнять его рекомендации. Упражнения выполнялись неожиданно легко, с экзо спина болела меньше. Но ведь я всегда тянулся, пока мог пересиливать боль...

В этот раз первыми отвалились руки. Я расслабленно вы-

тянулся, прикрыв глаза. Мышцы ныли и горели. Я подумал, что вот сейчас мне бы не помешал массаж. И что вы думаете? В комнату вошла мама с лысым дядькой массажистом. Может, я умею мысленно управлять вселенной? Гм. Не привлекая внимания санитаров.

Мама ловко сняла с меня экзоскелет, и дядька взял меня в оборот. После всех эпических свершений просто не скулить уже казалось мало, я приказал себе вдобавок не морщиться. Как там получится со всей вселенной, пока неясно, но какой-то её частью, то есть самим собой, учиться управлять попросту необходимо.

Держать «покер-фэйс» пришлось лишь поначалу, сдерживать довольную улыбку я счёл лишним, а под конец и вовсе уснул. Где-то через час разбудила мама. С ней пришли оба моих доктора. Как я понял из разговора, она их вызвала для консультации по поводу моего экзоскелета.

Пожилой, в очках и с бородкой, посмотрел мне в глаза, постучал молоточком по локтевому сгибу и по коленке. Задумчиво покивал и сказал, что с ушибом головного мозга, вообще-то, вставать на ноги не запрещается, он только не рекомендует вставать на голову и исполнять другую акробатику, которая может привести к повторным травмам.

А моложавый, без очков и бороды, заявил, что такие аппараты минздравом ещё не одобрены, и он рекомендовать его не может. Более того, он снимает с себя всю ответственность, если я буду использовать экзо, однако, если ему поз-

волят, с удовольствием понаблюдает меня дальше.

Мама позволила, и доктора выразили желание посмотреть на меня в экзоскелете. Мама принялась меня одевать, а врачи помогали. Наконец, аппарат собрали, я сам слез с кровати и встал.

Моложавый доктор предложил сделать несколько шагов вперёд. Потом вбок и самое трудное – назад. Я сумел не упасть, сохраняя покер-фэйс. И моложавый врач серьёзно меня озадачил – спросил, сгибаются элементы на спине или они жёсткие.

Мне аж самому стало очень интересно, и я тут же попробовал немного наклониться вперёд. Получилось! Трубки на спине сгибались. И не так уж это больно, если потихоньку.

Но доктора «потихоньку» не устраивало, он явно собрался наблюдать за мной всерьёз. Ободрил меня в том смысле, что я ничем не рискую, в случае неудачи просто вернусь в исходное инвалидное состояние. И настоятельно порекомендовал не хлюздить – большой уже бояться.

Я с серьёзным видом молча кивнул. Дальше доктор предлагал упражнения, и мы с мамой пытались их выполнить. То есть она иногда придерживала меня за руку. Врач ворчал, что её в принципе может заменить тривиальная шведская стенка, а я, упрямо сопя, думал, когда это кончится уже.

К моему облегчению пожилой доктор остановил занятия, заявив, что для моей ушибленной головы на этот раз достаточно. Моложавый с ним нехотя согласился и перешёл к об-

щим рекомендациям. Для начала выразил надежду, что я запомнил упражнения. Это разминочный комплекс, пока его усложнять не нужно и одного-двух раз в день будет достаточно. А дальше он посмотрит на результаты.

Вторым пунктом он особенно подчеркнул, что принимать пищу я должен лишь в вертикальном положении, можно сидя. И вообще, человек существо прямоходящее, вот и мне нельзя тупо валяться. Тем более что с поддержкой экзоскелета мне в принципе без разницы.

А в конце добрый медик невзначай осведомился, боится ли мой экзо воды. Мама ответила, что не знает, это нужно уточнить. Доктор благодушно покивал и заметил, что, если не боится, это очень хорошо. Мне для усиления кровообращения и укрепления нервов будет весьма полезен контрастный душ.

Регулярно. По несколько раз в день. Но не менее трёх сеансов – утром после разминки, перед обедом для аппетита и вечером для крепкого сна.

Пожилой в очках и с бородкой промычал, что в принципе он согласен, хотя начинать нужно с одного сеанса в день продолжительностью не более пяти минут.

Я стоял с каменной физиономией и даже сумел вежливо сказать «спасибо» и «до свиданья», когда эти изуверы откладывались – пошли издеваться над другими больными детьми.

Не откладывая, мама позвонила отцу. Он сразу ответил и заверил, что агрегат мой рассчитан на температуры от минус сорока до плюс пятидесяти и не боится воды, снега, грязи. Папина фирма его неразборный прототип, вообще-то, уже второй год пытается продать министерству обороны. Нужно только будет снять с меня обруч, его на влажность не испытывали – возможны искажения сигнала.

Мама папку поблагодарила, выключила связь и посмотрела на меня с доброй улыбкой. Как мне в этот момент захотелось печально вздохнуть! Но ведь управление вселенной... э... не привлекая внимания санитаров... начинается с управлением собой.

Я спокойно посмотрел ей в глаза и тоже улыбнулся, сказав:

– Ну, пойдём.

– Подожди минутку, – сказала она и вышла.

Я послушно присел на стул и принялся ждать. Через пять минут она вернулась с широченными, яркими шортами и майкой. Показала мне и спросила:

– Нравятся?

Я пожал плечами. Мама зачем-то положила в карман платья медицинские ножницы и повела меня в душ. Душевая оказалась сразу за туалетом. Сначала мама разрежала на мне

трусы и майку и вытащила из-под трубок и блоков. Нажимая на поля сенсорной панели, настроила режимы. Сняла с меня обруч и велела заходить в кабинку.

Мне почему-то казалось, что душ это когда вода льётся сверху, а тут струи ударили со всех сторон. Я запретил себе охать или вздыхать. Аппарат вон кто-то испытывал в грязи, снегу и в воде при минус сорока и плюс пятидесяти. И мне ничего не сделается за какие-то пять минут.

Кстати, плюс пятьдесят маловато будет. Значит, в сауну с экзо уже нельзя, а жаль. Зато можно сразу в прорубь... только вопрос, как у него с плавучестью.

Мама сказала выходить. Растёрла меня большим пушистым полотенцем, принялась помогать натянуть шорты и майку. Тут-то я и получил ответ на вопрос, как влияет обруч на мой экзо. Обруча у меня на голове не было, и я отчётливо ощутил разницу.

Скелет начал тупить и сопротивляться, то есть мне сначала нужно было прикладывать усилие, преодолевать сопротивление, и с небольшой задержкой агрегат подстраивался под движение. Значит, обруч каким-то образом прямо передаёт экзоскелету, что я хочу сделать? Очень интересно!

* * *

Мама не разрешила надевать обруч на влажные волосы, и к себе в комнату я прошёл походкой контуженого робо-

та. Уселся на стульчик ждать, пока высохнет голова, а мама с пульта поставила мне развивающий фильм – картины под классическую музыку.

Показывали в основном натюрморты, а играли бодренькие скрипичные концерты. Моцарт, кажется... надо будет у мамы спросить. Картины тоже воодушевляли – фрукты, око-рока, один раз даже сосиски. Кажется, скоро обед... только спрашивать не надо, мама сама скажет.

И действительно, как закончился фильм, пришла мама, надела мне на голову обруч и сказала, что пора обедать. Взяла за руку и повела в столовую. Мы прошли немного по коридору и пришли в уютную комнату. Там имелся собственно застеленный скатертью стол со стульями, на стене слева висел большой экран. Показывали красивые пейзажи под симфонический оркестр. Напротив входа большое окно.

А в стенке справа была дверь, из неё выглянула чёрненькая Ася и спросила, можно ли подавать. Мама сказала, что можно, и провела меня к столу. Я уселся, мама расположилась с другой стороны. По её примеру я заложил за отворот футболки салфетку, и вскоре Ася принесла первую перемену.

Мама сидела строгая, ровная. По её виду мне стало ясно, что разговор лучше не затевать. Я тоже сидел прямо, просто физически не мог сутулиться, и, сохраняя покер-фэйс, старательно за ней повторял.

Блин! Ей-то ничто по идее не мешало наклониться к та-

релке и не тащить ложку на верхотуру! И при этом ещё нельзя ставить на стол локоть, вообще нужно высоко его не поднимать. И ложку держать пальцами, этак изогнув кисть.

Потом Ася принесла второе, дошла очередь до вилки и ножа. Мама не делала мне замечаний, казалось, что совсем на меня не смотрела. Только глаза её по-доброму улыбались. Я почувствовал себя уверенней, посмотрел на ситуацию в целом.

Вот родился я... или очнулся, неважно. Начал говорить и ходить. Теперь потихоньку начинаю осваивать большой мир. Мир, где мне предстоит как-то жить и что-то делать. И что-то во мне говорит, что мир моему появлению ни разу не обрадуется.

Просто забавный уродец в экзоскелете. Будут брезговать, насмехаться, и все вместе жалеть... кто искренне, кто приговорно...

Мама словно прочитала мои мысли на моей физиономии и продемонстрировала, что уж дома-то жалеть меня никто не будет. Для начала велела помочь Асе убрать со стола, а потом вымыть посуду.

После обеда я вернулся в свою комнату, где, сидя на стуле, смотрел обучающие фильмы. Потом были английский и русский с репетиторами. Немного поиграл до ужина, представляя себе, что когда-нибудь смогу так же сражаться в реальности.

После ужина я снова вымыл посуду – похоже, отныне это

моя работа – снова пострелял и подрался в виртуале, и, наконец, этот бесконечный день закончился.

* * *

Утром спозаранку принесло моложавого доктора. Врач с мамой нацепили на меня доспехи, я по памяти принялся выполнять разминочный комплекс. Доктор иногда подсказывал, поправлял, но в целом выглядел довольным.

И я в конце разминки спросил чисто из интереса:

– Борис Петрович, а я смогу плавать в экзоскелете?

Он нахмурился и обратился к маме:

– Разрешите нам поговорить вдвоём.

Она молча вышла. Я едва сдерживал интерес – что ж это такое секретное доктор хочет мне сказать? Врач помолчал, хмурясь, и заговорил, не поднимая глаз:

– Старик, я мог бы сказать, что, конечно, сможешь плавать... будь тебе меньше лет, я бы так и сказал. Но я вижу, ты серьёзный парень, и... нет хуже проклятья, чем напрасные надежды.

Он вздохнул и продолжил глухо:

– Ты никогда не сможешь плавать, драться, скакать на лошади... Твой экзо просто вот такое инвалидное кресло. Знаешь, люди в инвалидных креслах тоже не могут плавать...

Врач вдруг посмотрел мне в глаза и добавил строго:

– И они благодарны богу за их вот такие единственные

жизни. Просто научись жить... э... вот так.

Я слушал его с неподвижным лицом. Заставил себя проговорить:

– Да, доктор, я постараюсь.

– Вот и хорошо, – пробормотал он смущённо и продолжил преувеличенно бодро. – Ну, ты сейчас в душ?

– Да, Борис Петрович, – ответил я вежливо. – Спасибо вам.

Доктор вышел, и зашла мама. Она за руку отвела меня в душ. Я разделся и встал в кабинку. Ударили струи, вода освещала, бодрила, будоражила... а мне было всё равно. Главное, что под душем мама не увидит слёз на моих щеках.

Глава 4

Из душа я вышел со спокойным лицом. Сам шагнул навстречу суровой реальности. И настоящая жизнь началась практически сразу. Вообще моя жизнь шла строго по расписанию, в определённое время я занимался с репетиторами, делал гимнастику, принимал контрастный душ, чистил картошку, мыл и резал овощи и прочее, заодно постигая азы приготовления пищи, а после завтраков, обедов и ужинов мыл посуду...

Мама учила меня вышивать, чтоб занять руки и освободить голову, ну и чтоб умел в жизни пуговицу пришить или носки заштопать. За этим кропотливым занятием слушал аудио-лекции по учебной программе. Она часто сидела со мной и рассказывала о моей прошлой жизни и жизни вообще.

Я, наконец, невзначай выяснил, что её зовут Ирина Сергеевна, она преподаёт в институте Историю культуры и Философию, только сейчас в отпуске за свой счёт по уходу за непутёвым мной. Папку звать Дмитрием Олеговичем, он инженер-математик, познакомился с мамой ещё в студенческие годы у каких-то знакомых. А деда зовут Сергеем Васильевичем, он просто важный и богатый дядька, и чем занимается, никому неизвестно.

Дед признал мои очевидные успехи, согласился так же

признать наличие каких-то мозгов у моего папки и хотел даже подарить ему наш дом. Но отец твёрдо отказался и предложил дом ему продать. Дедушка, тяжело вздыхая, выразил крайнее удивление, что у эдакого идиёта сынок такой умненький я, махнул рукой и сказал, что хрен с ним, каждый сам кузнец своего несчастья.

Я полностью соглашался с дедом. Ведь никто меня силком не тащил на ту стройку и в шахту не сбрасывал. Ну, скорее всего, сам упал. «Гулял» придуток! Вместо того чтобы плавать, бороться, скакать на лошади или хотя бы на батуте...

В тот несчастливый день я, сам того не понимая, сделал выбор. Мы каждый день делаем выбор, возможно, на многие годы вперёд. И я каждый свой новый день уже сознательно выбирал жизнь... и боль. Прямо с утра. Вернее, даже с вечера. Я забирался на кровать и сам снимал с себя экзоскелет, укладывал элементы на стол, что поставили у кровати.

Спозаранку включался экран, с него улыбалась мама и желала мне доброго утра. Я говорил «спасибо» и принимался надевать на себя экзо, ворочаясь с боку на бок. Робо-трусы, «бёдра», наплечные блоки надевались без особых усилий, осложнения начинались с момента установки трубок спины.

Я научился подсоединять их к трусам «вслепую», лёжа на боку. А вот дальше требовалось одной рукой подтянуться на рамке, максимально выпрямив спину, и второй рукой не глядя воткнуть трубку в плечевой блок. А потом так же подсоединить вторую трубу. И в довершение шли «голени» и

«ступни», чтобы их закрепить, нужно просто нагнуться вперёд как можно дальше.

Всё это требовалось не просто перетерпеть, стиснув зубы со зверской мордой. Мама же может увидеть! И если тупо терпеть, экзo не наденется никогда. Нужно с покер-фэйс на физиономии сквозь боль сосредоточиться и выполнить манипуляции без ошибок.

И знать, что не будет аплодисментов, я не совершаю ничего особенного. В виде отдыха подсоединял провода и шланги, руки быстро всё научились делать, не советуясь с головой. Вот после этого я получал главный свой приз – новый день жизни.

Сначала в туалет, потом заправить постель и можно приступать к зарядке. После гимнастики под контрастный душ, а оттуда на кухню помогать Асе накрывать завтрак. Папа перебрался к нам жить, и завтракали мы обязательно вместе.

Потом отец уезжал на работу, а я помогал убирать со стола, мыл посуду, и мама начинала меня развивать. То есть в принципе продолжалась всё та же жизнь по расписанию... Господи! Как я ненавидел расписание! Когда знаешь наперёд, что будешь делать по часам, по дням, по годам. Когда каждый день длится вечность, а месяцы пролетают, как забытый сон.

Расписание, боль по расписанию делали мою жизнь сплавом армии и тюрьмы. Только у солдат впереди дембель, у заключённых конец срока, у меня же...

Вот почему я заявил, что не было у меня детства? Детство – это мечты и надежды на будущую взрослую жизнь. То есть, когда мечты сбываются или рушатся, и надеяться больше не на что, начинается эта самая взрослая жизнь. Простая логика.

* * *

Однако и в армии или в тюрьме люди живут. Солдаты могут отдохнуть на войне, а у заключённых прогулки. С этим вначале возникли сложности – никакие штаны, кроме широких шорт, на экзоскелет не налезали. Требовалось сначала снять робо-трусы и нижние элементы, натянуть штаны и потом снова собрать экзо.

Вся сложность заключалась в том, что самостоятельность стала моим идефиксом. Папка решил вопрос технически – на уровне моих плеч прибил к стене дюбелями два кронштейна. От меня требовалось всего лишь сначала вслепую, спиной, повиснуть за ручки плечевых блоков на крючках. Дальше снять шорты, нижние элементы экзо, натянуть штаны и снова собрать скелет. Для этого нужно просто повыше задрать колени.

С ботинками всё оказалось совсем просто. Не нужно пихать ступни в ботинки, имелись «уличные» ступни в виде ботинок по сезону. А куртки, свитера и рубашки мне сшили специальные, под мои «могучие» плечевые блоки.

Вот оделся я однажды и вышел с мамой из дому. Облетали жёлтые листья, осеннее солнышко выглядело уставшим, светило вполнакала. Для первого раза просто погуляли во двореке. Я впитывал свежий, с осенней холодинкой, воздух, наслаждался открытым небом над головой после долгого заточения, а мама читала подходящие осенние стихи.

Позже она стала возить меня гулять в парк и в музеи. Я с неизменным покер-фэйс рассматривал картины и внимательно слушал экскурсовода, поскольку мама после культпоходов устраивала мне дома экзамены – требовалось узнать репродукцию на экране и рассказать, что запомнил.

А другие посетители рассматривали меня, пацана с обручем на голове, плечами американского футболиста и с элементами экзо на ногах. Дети показывали пальцем и смеялись, некоторые взрослые снимали на телефоны. Иногда особо непосредственные натуры, в основном китайские туристы, просили меня с ними сфотографироваться.

По маминой просьбе я всегда соглашался и даже скупо при этом улыбался. Она говорила, что нельзя, попросту неумно требовать от людей слишком многого. Люди не обязаны быть поголовно умными и добрыми, понимать меня и сочувствовать. Мне нельзя их даже прощать просто потому, что я не могу их судить – они мне ничего не должны.

Это я должен всё понимать и сочувствовать, быть снисходительным. Мне это нужно самому – именно мне предстоит жить среди них с обручем на голове, плечами американско-

го футболиста и костями с коленными блоками экзо. Плохо жить и обижаться. Плохо жить и презирать. Мне для себя самого нужно их полюбить, принять такими как они есть, ведь это наши люди, тот самый народ.

* * *

В общем, поначалу прогулки мне организовала мама, а папа устроил войну. Даже настоящий холивар. Он обратил внимание на то, что я перестал играть в боевые симуляторы. Я, как мог, объяснил, что мне противно воображать себя тем, кем стать для меня невозможно.

– Тёмка, – сказал он мягко. – Ты знаешь, что такое чудо?

– Чудес не бывает, – проворчал я.

– То есть чудо – это то, чего не бывает? – переспросил он с усмешкой.

Инженер математик, даже рассуждая о чудесах, требует чётких формулировок! Я улыбнулся и поправился:

– Ну, не то, чтобы совсем не бывает... скажем, маловероятное...

– Господи! – покачал папа головой. – Да какое тебе сейчас дело до вероятностей?!

Я смешался. Действительно, в моём положении интереснее не вероятности, а хоть какие-нибудь шансы.

– Так вот, старичок, – наставительно заговорил отец. – Всё относительно. Чудо – это когда совершается то, что люди

считают невозможным. То есть считается кем-то полностью невозможным, без вариантов.

Он погладил меня по волосам и сказал совершенно серьёзно:

– И того, кто совершает невозможное, считают волшебником. Я лично знаю человека, кто может останавливать своё сердце. Он говорит, что оно просто очень медленно бьётся, но приборы фиксируют остановку.

Я смотрел на папку во все глаза. Насколько я его узнал, он бы точно не стал выдумывать для меня сказки. Но это же... невозможно! Невозможно? Ну, а папка о чём толкует!

– Я не призываю тебя верить в невозможное, – ласково продолжил папа. – Просто согласись, что ты можешь ошибаться в оценках, считая что-то невозможным...

Я задумчиво кивнул.

– Во-о-от! – обрадовано сказал отец. – Пусть тебе что-то кажется невозможным, просто стань волшебником...

– Просто?! – воскликнул я.

– Ну да, – уверенно ответил папка, потрепав мне волосы. – Для твоего возраста это просто, – и деловито договорил. – Познакомлю тебя с началами йоги. А ты прекращай вешать нос.

– Хорошо, пап, – согласился я.

Сделка казалась выгодной с самого начала. Даже если ничего не получится, йога это очень интересно, и хорошее настроение ещё никому не мешало. Скорее мешает его отсут-

ствие. Я, пересилив себя, вернулся к играм.

Мне не верилось, что я смогу когда-нибудь так в реальности. Не хотел в это верить, несбыточные надежды – худшее из проклятий. Но кто сказал, что я должен себя отождествлять с персонажем? Вот мой мозг ведь тоже без своих рук и ног, но это не мешает ему управлять моими конечностями... э... ещё и думать другую всякую такую ахинею.

В общем, сначала я стал иначе относиться к игре, а потом и на себя взглянул как бы со стороны. Никаких особых открытий или достижений мне это не принесло, просто стало легче жить. И немножко бороться.

Отец после работы выкраивал для меня время и посвящал в азы йоги. Учил правильно дышать, правильно смотреть, правильно ничего не думать во время медитаций. И раз в неделю возил в зал к своему знакомому, кто умеет останавливать своё сердце.

Признаться, было сначала очень интересно взглянуть на человека, которого дед не может попросить к нам приехать. Папка мне весело сказал:

– Вот это действительно невозможно.

Все вопросы отпали при первой встрече. Среднего роста сухощавый мужик в простенькой серой курточке, широких серых штанах и в мягких тапочках производил впечатление. Прямые волосы до плеч седые или от природы белые. Чёрные глаза. Лицо молодое, кожа гладкая, лишь сеточка морщинок у глаз выдавала возраст. Папка обращался к нему

«мастер», но главное – его взгляд...

Человек с такими одновременно спокойными и весёлыми глазами может сказать «нет» всем президентам мира. Его нельзя заставить или купить, ему просто что-то интересно или абсолютно фиолетово. На мою невероятную удачу я оказался интересным этому дядьке.

Прежде всего, он заявил мне, что йога это путь развития моего духа, сознания, моего тела. Мои костыли развивать не нужно. Люди привыкают к костылям, ведь они действительно делают жизнь удобнее. А требуется от них отвыкать или стремиться от них избавиться. Хотя бы просто стремиться.

У большинства людей множество костылей, о которых они не подозревают. Они думают на костылях, даже что-то чувствуют на костылях и принимают решения на костылях. Им отовсюду их подсовывают. Мне повезло, я о части своих подпорок знаю. Если начну развиваться, узнаю и об остальных, а пока мне следует изменить отношение к своему экзоскелету.

Я возразил, что по идее обезьяна стала человеком, научившись использовать орудия. Мастер вдруг открыто захотал:

– Вот именно! То есть если у обычного человека забрать его палки, он станет тем, кем на самом деле является – обезьяной!

Я вынужден был согласиться, что в его максиме есть резоны. Ну, я-то без всех моих приспособлений даже не обе-

зьяна, а так... просто кусок дерьма.

Мастер на этом моменте счёл, что теории пока достаточно, и перешёл к практике. Велел мне выпрямиться, встать максимально ровно. Спросил, устойчиво ли я стою. Я ответил, что вполне, и тогда он обратился к папке:

– Где у скелета выключается спина? Давай-ка он постоит так сам.

И папка без возражений отсоединил от плечевых блоков спинные трубки! Я испуганно обмер... но я стоял! На лбу выступила испарина, сердце бешено колотилось... но я стоял!

– А теперь попробуй опуститься на колени, – проговорил мастер.

Я втянул воздух сквозь зубы и, держа спину прямо, глядя ровно перед собой, осторожно опустился на одно колено. Постоял так немного и рискнул подогнуть вторую ногу.

– Молодец, – сказал мастер. – Опusti задницу на пятки.

Я выполнил команду уже уверенней. Уселся и напряжённо прислушался к себе. Ощущения в целом обычные... мне захотелось кричать и смеяться!

– Запомни, – наставительно проговорил мастер. – Ты сейчас не сделал ничего особенного. Ведь это так просто, не так ли?

– Да, мастер, – ответил я сипло. – Теперь я понимаю...

– Начинаешь догадываться, – поправил он меня строго и снова обратился к папке. – Дим, вы уже, конечно, медитиру-

ете? Вот пусть парень отныне медитирует без скелета. И чтоб он сам его снимал и надевал. Как станет что-то получаться, приходите ещё.

* * *

На этом первая консультация закончилась. Дома мы с папкой продолжили эти захватывающие опыты и добились некоторых успехов. Вскоре перед сном я снимал экзо как одежду и ложился в кровать. Утром просто вставал, немного медитировал на коленках и сам надевал элементы экзоскелета. Делать это стоя оказалось совсем несложным.

Я действительно стал иначе относиться к экзоскелету, старался как можно больше упражнений выполнять без него. Через пару месяцев мастер посоветовал осваивать китайскую дыхательную гимнастику. Естественно, без экзоскелета. Это было намного труднее, но я к тому моменту поверил, что всё могу.

Конечно же, все элементы У-шу мне были недоступны, а что получалось, я выполнял очень плавно. Много занимался растяжкой, гнулся, насколько хватало сил терпеть.

Причём, делал всё это без надежды и страха – так советовал мастер. У всех есть пределы возможностей. Большинство людей не умеют летать...

Представьте себе, кое-кто умеет, но низенько-низенько. Левитация называется.

А я не могу драться. То есть разок-другой при крайней необходимости, наверно, можно, да и только. Моей спине противопоказаны удары. И не только удары по спине, а любые удары. Удар – это неизбежное сотрясение позвоночника. Ведь человек не может ударить только рукой или ногой – требуется точка опоры. Кошка переворачивается на лапы в свободном падении, отталкиваясь от хвоста, от позвоночника.

Так что драться мне не светило, и я назло всему отработывал удары в бое с тенью. Грушу доктор запретил категорически. В доме мне выделили комнатку для тренировок, повесили на стенку большой экран, чтоб я мог общаться с наставниками, оборудовали тренажёрами, папка даже грушу повесил... пришлось убрать.

Поскольку я уже мог во многом обходиться без экзо, необходимость в его блоковой, разборной конструкции отпала. Папка привёз новый, улучшенный вариант. У него менялись только «ступни-ботинки» или «ступни-тапочки». Трубки и провода подсоединять не требовалось, их спрятали в «кости», блоки «суставов» и «плеч» получились компактнее.

А старый мой экзо достался другому мальчишке с тяжёлой травмой спины. Папка сказал, что я хорошо для него обкатал агрегат, у него обучающаяся электроника с элементами искусственного интеллекта. Парню будет намного проще.

Так вот драться мне нельзя, зато стрелять можно сколько угодно. Особенно с новым экзоскелетом. Дед мой оказался

стрелковым маньяком. С ним я посещал тир в стрелковом клубе, мы ездили на стрельбище. В тире осваивал пистолеты, а на полигоне спортивные винтовки. Ну и, само собой, родной «калаш». Со сдачи норматива по разборке-сборке автомата всё и началось.

Незаметно подкралась зима, выпал снег, и родители стали по выходным вывозить меня кататься на лыжах. Кстати, когда я в своём развитии дотопал до лыж, мама смогла вернуться в институт. Я целыми днями не видел родителей, общался с Асей и с наставниками в режиме видеоконференции, и выходные ждал как праздник.

Глава 5

Другие, «детские» праздники – Новый год или День рождения – меня почему-то совершенно не трогали. Вот в декабре мне исполнилось полных четырнадцать лет, кстати, узнал, когда у меня день рождения.

Задул свечи на тортике, папа с мамой подарили мне телефон, а дед настоящий «Кольт». Дал мне его подержать и заявил, что в стрелковом клубе он будет храниться в моей именной ячейке. И совсем не важно, что лишний девайс мне, как зайцу поворотники, а из раритетного монстра пусть стреляют те, кому своих рук не жаль. Я ужасно обрадовался и благодарно улыбался.

На Новый год дед подарил планшет, а родители «ковбойский» ремень с кобурой для «Кольта», шляпу с загнутыми полями и звезду шерифа. Я снова всех от души благодарил и прям очень искренне веселился.

И, наконец-то, отпраздновали Рождество, а за ним наступило Крещение. На речном льду я снял тёплую куртку и свитер. Вылез из экзоскелета, стянул майку и штаны. И погрузился в прорубь. Проплыл в ледяной воде три метра по-собачьи и поднялся по лесенке. Особого веселья не испытывал и не улыбался. Я был просто счастлив! Оно случилось! Моё настоящее событие!

Кстати, заодно и крестился. В детстве родители как-то этот момент упустили, вот дед исправил. После моего крещения он заявил, что теперь ему за меня будет спокойнее, и я его дождал до страйкбола.

Осторожные разговоры о страйкболе я начал с отцом. Мне очень опасно падать, вот папка и озаботился этим моментом, когда я получил улучшенный экзо. Жизнь штука опасная сама по себе, от неприятностей не уберечься, значит, нужно быть к ним готовым. И я стал учиться правильно падать под руководством инструктора по рукопашному бою.

За основу моей подготовки тренер взял Айкидо. С этой системой я могу самым лучшим образом использовать своё главное оружие, экзоскелет, и обходиться без ударов. Отец стал мне помогать в тренировках и сам увлёкся.

Я сделал неожиданное открытие – папка-то у меня, оказывается, ботан! Практически не умеет драться! Вот для его же пользы я с удовольствием швырял родителя на занятиях. Дошли до выполнения перекатов через плечо, а кувыркаться через спину я просто психологически долго не мог себя заставить даже в экзо. И как бы между прочим спросил папку, что мне мешает с такой подготовкой сыграть в войнушку.

– Уф! – весело воскликнул отец. – Ты меня успокоил! Я уже начал думать, что нам тебя в больнице подменили, такой

ты стал серьёзный...

Я непонимающе задрал брови, и он пояснил:

– В шахте лифта рядом с тобой валялся твой игрушечный пистолет. Вы на той стройке играли в войнушку.

– Но ведь я действительно стал серьёзней! – возразил я.

– Тогда пойми простую вещь, – сурово проговорил отец. – С твоей спиной никто не возьмёт на себя ответственность принять тебя в клуб, – и папка смущённо договорил. – Да мне просто совесть не позволит просить о таком друзей.

Я, сделав покер-фэйс, кивнул... и переключился на деда. Тот своей совести хозяин, даже она стеснялась ему возражать. Что уж говорить о каком-то страйкбольном клубе. Вот после крещения взяли меня как бы неофициально, я с ними просто «мимо гулял» – если что дед обещал прикрыть.

На этом поблажки для меня закончились, скидок на инвалидность никто не делал. Вот где мне пригодились все навыки! Это не так просто и весело, как кажется – бегать и стрелять. «Они» ведь тоже бегают и стреляют в «нас». «Мы» – команда, и в этом весь смысл и главная сложность.

Мне здорово помогала тренированная выдержка, выработанное отношение к игре... просто как к игре. Парни в клубе поделились и своей мудростью. Героев нет, есть только персонажи. Имеют значение лишь победа или поражение. Остальное зола.

Нужно чётко понимать свою роль и общий замысел. Нравится мне или нет – никому неинтересно. Игра покажет, кто

был прав, я просто должен сделать свою часть работы...

А если от боли мутится сознание, вколоть обезболивающее прямо через штаны. Но это лишь в крайнем случае. Для самого себя, для своей гордости нужно всё перенести до конца — до чистой победы.

Личные достижения ведь никто не отменял. Для меня очень хорошим результатом было уже то, что я не стал команде обузой, слабым звеном... то есть довольно быстро перестал им быть. Всего за пару месяцев, как раз до календарной весны.

* * *

За рукоделием я как-то раз спросил маму, отчего дед так со мной носитя. Он ведь важный и богатый, какое ему дело до какого-то пацана? Жили же мы сами в другом районе, в большом многоквартирном доме.

— Когда я выбрала твоего отца, дед сказал, чтобы мы на него не рассчитывали, — заговорила мама тихонько. — Он думал, что Димка охмурил меня из-за его положения. А папка твой и так у него ничего бы никогда не попросил. Когда с тобой случилось несчастье, я позвонила твоему деду... и ему, наверное, стало стыдно. Скорей всего, он себя винит, что ты бегал играть на стройку.

— И как бы он мне это запретил?! — сказал я с вызовом.

— Вот. У тебя своя гордость, — заметила она и уточнила. —

Так чем закончились твои игры на стройке?

Я смущённо промолчал.

— Гордость и стыд, — продолжила мама задумчиво. — Только они делают нас людьми. Человек должен к чему-то стремиться, чего-то добиваться, чтобы себя уважать. И нам всегда за что-нибудь стыдно... один русский философ сказал: «Стыжусь, значит существую».

— Погоди, — помотал я головой. — Это римлянин какой-то сказал! И не «стыжусь», а «мыслю»!

Мама, хмыкнув, насмешливо проговорила:

— Во-первых, не в лотерею, а в преферанс. Во-вторых, не выиграл, а проиграл... так?

Я пожал плечами.

— Это твоё «мыслю» уже могут компьютеры, — резковато сказала мама.

— А мастер йоги говорит, что нужно учиться преодолевать стыд, — упрямо проворчал я.

— Учись, — улыбнулась она. — Но помни, что, когда ты перестанешь испытывать стыд, можешь считать себя животным.

— Но я же останусь разумным! — воскликнул я.

— Да, — согласилась мама. — Разумным животным. Без стыда, без совести, без морали.

В принципе она иначе сказала то же, что и мастер. Он говорил, что в отношении к жизни нужно во многом брать пример с братьев меньших, вот и в Писании говорится о птичках небесных. Я, например, не могу преодолеть страх темноты,

так и сплю при свете, и мастер говорит, что бояться не стыдно. А мама утверждает, что стыд это нормально для человека, то есть ничего страшного... тьфу, заумь!

Вооружённый этой теорией я практически насел на деда. Прямо давить на мораль было стыдно, зашёл издалека. Сказал, что королеву бала на выпускном... э... как получится, космос и планета в его честь тоже не исключаются, а в промежутке я должен отслужить в армии. Лучше всего в ВДВ. И пока у меня есть время, хорошо бы мне записаться в парашютную секцию. Ну, хотя бы с вышки попрыгать, у меня же фактически военный экзоскелет.

Дед под моим натиском продержался недолго, через неделю отвёз меня и папку «на экскурсию». Всю весну мы вместо лыжных прогулок, а иногда и вместо поездок на стрельбище, занимались в парашютном клубе. Там тоже требовалась справка о здоровье, и я опять «просто мимо гулял». Мне нормативы сдавать не требовалось, всё равно ведь в экзоскелете результаты не считаются. Хотя подтягивания, кросс и ориентирование на местности могли бы и засчитать...

Зато укладку парашюта сдавать пришлось раз пятнадцать. А как сдал укладку, с вышки попрыгал, покатался на тресе, подвешенный за карабин... навалилась меланхолия. Прыгать по-настоящему мне не светило целую вечность. Аж до совершеннолетия!

И в начале лета дед позвал меня и папку в поход. Недалеко, в Подмоскovie. Вылетели на его вертолёт, отлетели

подальше от посторонних глаз и вышли. С четырёхсот метров, раскрытие принудительное. Ощущения не передать, это нужно испытать самому. Скажу только, что это было второе в моей жизни настоящее событие!

Хотелось сразу повторить, однако пришлось топать по природе до турбазы три дня, ориентируясь по карте – это же всё-таки был поход. Всю дорогу думал, что надо было при приземлении ногу сломать, тогда бы папка позвонил по спутниковому телефону, и нас бы забрали сразу. Только прыгать бы больше дед не разрешил...

За лето мы сходили в такие походы с прыжками из дедова вертолёта целых пять раз. Я считал, что жизнь удалась, так и пойдёт дальше. А в конце лета случилось третье в моей жизни значительное событие. Папа сказал, что благодаря занятиям с репетиторами я не отстал от программы, и по его просьбе...

Это он глухо проговорил с особым значением.

По его просьбе дед помог решить вопросы в РОНО. В сентябре я вернусь в свою школу.

* * *

Вот какую, спрашивается, «свою» школу?! Что там для меня своего?! Я ж знать не знаю, ни своих одноклассников, ни своих учителей! Да что там! Я, вообще, понятия не имею о школах! Даже по сериалам! Ну, не смотрю я никакие сери-

алы, на умные фильмы не хватает времени.

– Да, Тёма, – серьёзно ответил папа. – Современная жизнь похожа на глупый сериал – череда серий-дней без явного смысла. Тебе нужно научиться выявлять смыслы и гнуть свою линию. Ты растёшь в тепличных практически условиях, общаешься только с умными людьми...

Он заговорил немного раздражённо:

– Твой дед предлагал отправить тебя в частную школу хоть в Британии. Мне удалось его убедить, что тебе это не подходит. Ты должен жить сам, без оглядки на него...

Папка прокашлялся и продолжил обычным тоном:

– Так вот, в современной жизни большинство людей неумные и, как правило, недобрые. Но это реальные люди из реальной жизни. Научись жить с ними. Если возникнут неразрешимые проблемы, станет очень плохо, мы тебя, конечно, заберём...

– Я справлюсь, – сказал я уверенно.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся папка.

Отец озвучил общее решение, а мама стала готовить меня к школе практически. На большом экране я рассматривал фотографии учителей и одноклассников, запоминал, кого, как зовут, некоторые дополнительные сведения. Изучал снимки школьных помещений, окрестных строений, маршрутов автобусов и метро. Потом сдавал экзамены.

Посмотрел несколько видео-лекций по школьной психологии, тоже сдал тесты. Меня к школе готовили как развед-

чика! Собственно, так оно и было, мама без улыбки прямо это заявила. Я же не помню прошлой жизни, значит, мне предстоит жить чужой фактически жизнью. Вживаться.

И как разведчику мне поставили чёткие задачи. Во-первых, избежать провала – никто не должен догадываться о моей амнезии. Во-вторых, установить хорошие отношения с ребятами в классе и с учителями. В-третьих, получить образование и диплом с хорошими оценками, сдать ЕГЭ. В целом это всё являлось операцией легализации меня в жизни. Без шуток.

Незадолго до начала занятий съездил с мамой в школу на разведку, по легенде сдать какие-то документы. Узнал завуча с фотографии, тощую тётку с тонкогубой и тонконосой физиономией в больших очках. Вспомнил, что зовут её Людмилой Георгиевной, поздоровался, назвав по имени. Потом погуляли с мамой по пустым коридорам, я ещё раз повторил для себя расположение кабинетов, туалетов и столовки, конечно.

Прямо первого сентября в школу я не пошёл, ни к чему портить людям День знаний. А второго отец по дороге на работу подвёз меня до остановки маршрутки недалеко от школы. С неизменным покер-фэйс я залез в автобус и через две остановки вышел. Ничего особенного, в парашютную секцию и страйкбольный клуб тоже приходилось иногда добираться своим ходом.

Прогулочным шагом дошёл до школы, время позволяло.

И не сказать, что нужно было унять волнение. Мастер говорил, что ко всякому делу следует подходить без надежды и страха. Можно позволить себе лишь немного азарта, немного злости... совсем чуть-чуть.

Прошёл через вестибюль мимо закрытого пока гардероба, пропустил вперёд банду орущих первоклашек и поднялся на второй этаж. По расписанию первым уроком была Экономическая география. Училка кабинет перед уроком не открыла, переживает за драгоценные экспонаты на полках. Класс толпился в коридоре.

Я с сумкой на плече спокойненько встал у стеночки. Меня, конечно, заметили, девчонки тишком разглядывали обруб на голове, кости моего экзо на ногах и «могучие» плечи пиджака. Парни посмотрели с подчёркнутым безразличием и вернулись к своим разговорам.

С приветствиями и объятьями никто не лез. Я легко узнал лица с фотографий, вспомнил имена и фамилии. Особенно тех троих пацанов, что жили в нашем «старом» многоквартирном доме. Они и позвонили в тот день в службу спасения.

Эти парни стояли с особо независимым видом. Всё с ними в принципе ясно. Были «друзья», наверное. Да упал я, увезли в больницу, и сгинул где-то. Решили, что навсегда, почти забыли, а я вот он припёрся... ещё и какая-то ерунда на мне.

Ко мне приблизился пухлый паренёк среднего роста, русоволосый, с пухлощёким, располагающим лицом. Станный настороженный взгляд синих глаз, неуверенная улыбка.

И фотографии этого пацана я точно не видел!

– Привет, – сказал он. – Ты новенький?

– Старенький, – сказал я сухо. – Просто проболел весь прошлый год.

– А! – чему-то обрадовался он. – А я новенький. Мы в прошлом году приехали весной. Меня Денис звать.

– Артём, – протянул я ему руку.

Он поспешно схватил меня за ладонь, тряхнул и тут же отдёрнул руку. Вот же ж, ладошки у парня мокрые! Я сдержал естественное желание вытереть руку об штаны. Пацан и так не в своей тарелке.

В видео-уроке по школьной психологии описывался персонаж под условным названием «изгой» или «отщепенец». Таким типам свойственно стремиться завести отношения с новыми людьми, пока они не разобрались в иерархии стаи, пока не поняли, что с «отщепенцем» лучше не завязывать отношений.

Мне следовало демонстративно вытереть руку об штаны и отвернуться. Но это означает, что я принимаю иерархию, признаю сложившуюся ситуацию и готов принять условия. Признать кого-то изгоем – признать верховенство пока неведомых неформальных вожаков. И у меня этот момент урока вызвал отчётливое неприятие.

По лестнице спустилась женщина в строгом костюме со строгим лицом и классным журналом под мышкой. Ни на кого не глядя, она деловым шагом прошла к дверям, вынула

из кармана ключ и отомкнула замок. Вошла в кабинет, за ней потянулись ученики.

Я посмотрел на Дениса и сказал:

– Пойдём, что ли?

– Ага, – ответил он безрадостно и направился к дверям.

Я неспешно двинулся за ним следом. Мы вошли в кабинет последними. Я прошёл за Денисом к парте на последнем ряду. Ну, так и есть – он сидел один.

– Ты позволишь? – спросил я и, не дожидаясь ответа, отодвинул стул и уселся.

– Да-да, конечно, – пролепетал тот.

Я вытащил из сумки пенал, тетрадь, ручку и учебник. Сумку поставил в проходе у стола. Для сумок в партах имелось отделение, но это только для маменькиных сынков. Пододвинул стул поближе к парте и замер с прямой спиной, без всякого выражения разглядывая учительницу.

Она открыла классный журнал, что-то там написала. Подняла к классу лицо и проговорила:

– Здравствуйте. Так, Иреев здесь?

Я встал и молча уставился на неё.

– Что же ты так далеко убежал? Пересядь к Логиновой, – сказала учитель.

Я сначала вспомнил фотографию, что соответствовала фамилии. Нашёл оригинал... вот гадство! Похоже, самая симпатичная девчонка в классе! Мило зарумянилась и слепила недовольную гримаску. Именно её я по заданию деда

должен буду на выпускном...

Грустно про себя вздохнул – подождёт до выпускного.

– Извините, Наталья Фёдоровна. Не хочу, – сказал я и уселся обратно.

Все лица с интересом обернулись ко мне. Я изобразил официальную улыбку, типа, что – ещё не рассмотрели?

– Ну, как хочешь, – проговорила учитель.

Лица синхронно развернулись к ней. Учительница точно не была душой, как ни в чём не бывало начала урок. Я сидел с прямой спиной и смотрел на учителя, когда требовалось, записывал в тетради.

Логинова сидела во втором ряду и удачно попадала в обзор. Выющийся русский локон падал на чистый лоб, когда Лена опускала лицо к тетради. Да, вспомнилось, что её зовут Леной, а что говорила учительница, я большей частью слышал в аудио-уроках. Те вопросы, которые она только упоминала, разбирались подробно.

Слушал и сам с себя поражался. Это ж сколько, оказывается, может узнать обычный подросток, если у него нет возможности маяться дурыю! Ну, а для «нормальных детей», у кого «счастливое детство», вот такой бульончик из самых общих понятий и упрощённых готовых выводов. Хотя чёрт с этой географией, мне она тоже нужна только для ЕГЭ.

Дениса я не замечал, и он вскоре успокоился, соскучился и занялся, видимо, обычным своим делом – принялся рисовать в тетради каких-то анимешных уродцев. Человечков с

большими головами с мечами и пистолетами, роботов с громадными плечевыми модулями...

В целом же школьная жизнь откровенно не радовала. Страшно себе представить, сколько таких часов за три оставшихся года мне предстоит просидеть с каменным таблом в беспросветной скуке и тоске! Если б не Лена и рисунки Дениса на периферии зрения, взвыл бы в душе по-волчьи.

Тоске в кратком курсе школьной психологии уделялось значительное внимание. Объяснялась она просто. Детки собирались в отведённом помещении в строго определённое время тупо по закону об обязательном среднем образовании, и чтобы у них было меньше возможностей что-нибудь сломать. А для учителей это работа, часто опостылевшая, но ведь жить как-то надо.

Ученики должны делать вид, что им очень интересно, учителя, что они в это верят, и им вообще не пофиг. Такая своеобразная игра, как очень многое в жизни. Тут главное ни на кого не злиться, никто не виноват, и ни в коем случае не принимать эту игру всерьёз.

В то же время нельзя к тоске привыкать, смиряться с ней, этак и отупеть можно. Тоску следует преодолевать, и лучшее средство для этого – ирония. Только ни в коем случае не насмешка, а добрая, снисходительная ирония. В любой ситуации можно найти что-нибудь милое, забавное.

И я с серьёзным лицом слушал учителя, посматривал на Лену, на роботов Дениса, вспоминал курс школьной психо-

логии и улыбался в душе.

Глава 6

Всё-таки нужно признать за уроками и положительные моменты. Во время занятий ничто не мешает спокойно выискивать в происходящем забавное или даже полезное, если не нарушать общественный договор – с умной рожей пялиться на учителя и записывать в тетради. Или даже, как Денис, тихонько заниматься, чем нравится, если всему миру плевать на тебя. Неслучайно он на всех занятиях предпочитал парты последнего ряда.

На следующей за первым уроком перемене местная элита удостоили меня вниманием. Мы с Денисом снова стояли у стенки, рядом с фикусом в кадке, и он, Денис то есть, жаловался на головную боль, которую у него вызывает эта воноющая Химия. Имелся в виду предмет, а не лекарственные препараты или продукты в столовке.

Группа парней что-то оживлённо обсуждала у окна, причём трое весело спорили, а двое сидящих на подоконнике им снисходительно внимали. Вот от компании отделился черноволосый паренёк и с кривой улыбочкой на востроносой мордашке направился к нам. Я его сразу идентифицировал – Игорь Иванов, троечник, непременный участник любой бузы.

– Ирка, – обратился он ко мне. – А у тебя, правда, железные ходули?

Криво улыбаясь, приблизился и неожиданно пнул меня по голени носком ботинка. То есть он хотел попасть мне по голени, но промазал, конечно. Я перенёс вес на правую ногу и чуть повернулся. Игорь потерял равновесие, я взял его за плечо и слегка подтолкнул. Его развернуло ко мне спиной, он был вынужден шагнуть и чуть нагнуться. И я от души врезал ему подошвой по жопе.

Игорёша смог сделать пару коротких шагов и упал на карачки. Зазвучали смешки, смеялись и его приятели у окна. Он поднялся на ноги и громко проговорил:

– Точно железные у Ирки ходули!

Засмеялись громче. Ну, ясно всё с ним – тип «шут» или «клоун», хотя вернее его назвать провокатором. Сейчас я по идее должен что-то сказать или сделать – паршивец ведь публично обзывается по фамилии. Тогда это будет конфликт, и виноватый уже назначен.

Я с неизменным покер-фэйс отвернулся к Денису, демонстрируя, что на арлекина реагировать не собираюсь. Не о чем разговаривать с этой шалупенью. Если кому-то нужен конфликт, пусть подходят лично, а не посылают недоумков.

На этот раз история закончилась с появлением учительницы, нас пригласили заходить в кабинет. Мы с Денисом снова засели за последней партой. Однако химичка была не той категории училка, у которых можно спокойно рисовать на уроке. Она устроила опрос и общую дискуссию о том, что мы забыли с прошлого года.

Хоть я чисто физически с прошлого года ничего забыть не мог, мне тоже досталось вопросов. Причём эта невменяшка постоянно повторяла:

– Не вставай! Тебе, наверное, трудно!

А я вставал и, не замечая её восклицаний, ровным тоном отвечал. Мне даже стало интересно, что и кому она демонстрирует и чем, по сути, отличается от Игорёшки.

Минут за пятнадцать до конца урока она всё-таки начала новую тему и продержала нас лишние пять минут, заявив, что звонок не для нас, а для неё. А по-моему, ей бы больше подошёл выстрел из пушки. Не холостой. В голову.

В результате на физру, в спортзал, класс отправился га-лопом. Меня это теоретически не касалось, однако практически по извечной традиции я должен был лично принести справку об освобождении от физкультуры.

Девчонки ушли в свою раздевалку, пацаны переодевались в зале. Вешали форму на крючки, и их отчего-то на всех не хватало. Часть ребят по-хозяйски использовали по два-три крючка, остальные складывали одежду на спортивной скамейке. Я, не выказывая отношения, ждал учителя. Идти самому в «девчачий коридор», где располагался её кабинет и раздевалка девчонок, было просто невыносимо.

Физруня, невысокая пухлая тётка в спортивном костюме с тетрадью в руке, вышла из коридора, а за ней следом стайкой шли девчонки. Я шагнул к учителю, она обернула ко мне добродушное лицо.

– Здравствуйте, Вера Ивановна, – сказал я, протянув ей справку. – Вот моё освобождение.

– Здравствуй, Артём, – ответила она, убирая документ в свою тетрадь. – У тебя освобождение от занятий, но не от уроков. Пожалуйста, не надо шараться по школе, ты должен у меня хотя бы присутствовать.

– Хорошо, Вера Ивановна, – проговорил я без выражения. Далее учитель всех обрадовала, что урок сегодня пройдёт на школьной спортплощадке, предложила туда организованно отправляться и не орать по дороге – уроки же идут. Народ потянулся на выход. Я дождался Дениса, и мы отправились вместе. Он в спортивной форме, а я как всегда и с сумкой на плече.

На спортплощадке я уселся на лавочку и принялся любоваться одноклассниками, точнее одноклассницами, а ещё точнее Леной. Фигурка у неё тоже... э... располагает к разглядыванию. Стройные ножки, на попе спортивные шортики, талия... ну и под майкой кое-что колыхнется. Класс как раз занимался разминкой.

Вообще классу повезло с прекрасной половиной, она и впрямь была ничего, ни коров, ни куриц – девчонки спортивные стройняшки и симпотяжки. Парни в основном соответствовали, только Денису, бедняге, физра явно не доставляла радости. Он сосредоточенно пыхтел и временами поглядывал в мою сторону, наверно, завидовал.

После разминки Вера Ивановна отправила учеников в за-

бег на пару километров, так Деня пробежал трусцой кружок и до конца дистанции перешёл на неспортивный шаг. Дальше Вера Ивановна объявила о сдаче нормативов, чтоб выяснить, кто, как вырос за лето.

Учительница уселась со мной на скамейку, вокруг собрался класс. Она громко называла фамилии и отправляла ребят к перекладине, а девчонки отжимались от соседней лавки. Я сидел на краю, ко мне подошёл печальный Денис и тяжело вздохнул. Ему предстоял один из безрадостных школьных моментов.

– Везёт тебе, – проворчал парнишка.

– Угу, как утопленнику, – согласился я с усмешкой.

Наконец, настала очередь Игоря Иванова. Игорёша, извиваясь и дёргаясь, вытянул семь раз, на «троечку». За ним потопал к турнику Денис, у него фамилия оказалась Ионов. Он честно подпрыгнул, повис на турнике и счёл на этом миссию выполненной. Или проваленной. Чисто формально обозначив попытку подтянуться, пацан спрыгнул и направился к лавке.

Вера Ивановна грустно на него посмотрела, что-то отметила в тетради и сказала громко:

– Иреев.

Было бы глупо упускать такую возможность самоутвердиться. Я снял пиджак и аккуратно сложил на скамейке.

– Ой! – воскликнула учительница. – У тебя же освобождение!

Я ровным шагом направился к турнику. Ребята примолкли, разглядывая меня в экзоскелете. Я повернул рычажки на плечевых блоках, захваты разжались. Я откинул плечевые модули на шарнирах. В принципе в этом особой нужды не было, всё равно экзо бы мне подтягиваться не помог, но ребята же об этом не знают.

Я подпрыгнул, ухватился за перекладину и сразу приступил. Для меня это обычное дело, начиная с рамки, когда я ещё не вставал. Просто нужно держать спину ровно и работать только руками. Подтянулся в спокойном темпе двенадцать раз на «отлично», спрыгнул и вернул плечевые блоки на место. Под удивлёнными взглядами прошёл к лавочке.

– Но у тебя же освобождение! – горестно воскликнула Вера Ивановна. – Я не могу поставить тебе «пятёрку».

– Поставьте «трояк», – ответил я безразлично.

Ребята хором засмеялись, даже учительница хмыкнула и вызвала следующего:

– Колесов!

Я нахмурился. Мой пиджак лежал на земле. Игорь стоял с приятелями, ехидно на меня поглядывая, и поспешно сделал постную физиономию, когда я к нему обернулся.

– Подними, – сказал я ему вполголоса.

– Что?! – «не понял» он.

– Подними, – проговорил вдруг глухо рослый Серёга Дрымов.

– А что сразу я?! – злобно окрылся Игорь.

Сергей помрачнел и добавил строго:

– Ну!

Видимо, это было крайнее перед побоями предупреждение. Игорь поник и нехотя направился к моему пиджаку.

– Да оно само упало! – прорычал он и положил пиджак на лавку.

– Спасибо, – сказал я, демонстративно обращаясь только к Игорю.

– Пожалуйста, – нервно ответил он. – Тебе ж, наверно, трудно нагибаться.

– Да, – сказал я, отряхивая пиджак. – Мне трудно нагибаться.

Вдел левую руку в рукав и договорил вполголоса:

– Зато тебе легко. Буду к тебе обращаться.

Мордашку Игоря перекосило, на лицах парней заиграли ухмылки. Я об «шута» вытер ноги и чётко поставил на место, «элите» это явно пришлось по душе. Однако же развивать успех я не стал. Могло возникнуть впечатление, что я хочу занять место «поверженного» Игоря в иерархии класса. Нафиг-нафиг мне такое место, пусть лучше он остаётся «шутком».

Я надел пиджак и принялся застёгивать, повернувшись к Денису. Сказал ему:

– Видишь, ничего сложного даже для меня.

– Ага, – угрюмо ответил Деня. – У тебя нет проблем с лишним весом!

– Мой экзоскелет весит двенадцать килограмм, – проговорил я.

– Ну... – Денис вздохнул. – Значит, ты герой. А я нет.

С этим спорить я не стал. Не хочет он быть героем, его выбор. Вскоре нормативы сдали все, и изшколы послышался отдалённый звонок. Вера Ивановна отпустила класс переодеваться.

Началась большая перемена, по пути со спортплощадки я предложил Денису вместе сходить в столовку. Он неожиданно отказался!

– Денег, что ли, нет? – спросил я. – Хочешь, займу?

– Есть у меня деньги, – почему-то зло ответил он. – Худею я. Вот прям с этого момента!

– Ну, извини, – сказал я примирительно.

В вестибюле он прибавил шагу, а я направился прямо в столовку. Лучше бы не ходил. Эти дети пропустили меня без очереди! Даже заставили пройти без очереди! Я через силу вежливо поблагодарил, взял сосиску в тесте со стаканом томатного сока и сам, красный как сок, уселся за стол. И, конечно же, всем было очень интересно, как я это выпью и съем. Юные натуралисты, блин.

Наскоро перекусив, я поспешил на следующий урок. По расписанию это была История. Денис опять рисовал тех же уродцев и роботов, правда, в другой тетради. И зачем ему, спрашивается, разные тетради, если рисует одно и то же? Не, на Географии анимешки понятно, а на Истории мог ведь на-

рисовать пару рыцарей там или мушкетёров.

Пятым, последним, уроком был Русский. Кстати, русиня, она же литруня, Ольга Владимировна – наша классуха. Эта участливая женщина с самого начала принялась меня бесить душевностью. Так она меня поздравляла с возвращением в школу, так за меня радовалась и столько выражала надежд, что ещё немного, и я б её придушил... ну, желание такое точно возникло.

На Русском Денис ничего не рисовал, занимался серьёзно, и было очевидно, что не только потому, что душевная женщина Ольга Владимировна сама кого угодно своими тонкими ручками выжмет и высушит за пренебрежение её предметом. У Дени с Русским явно связаны некие планы на жизнь после школы.

Наконец, прозвенел звонок с урока, и этот сумбурный школьный день закончился. Ну, я тогда так думал. Деня мне суховато сказал:

– До завтра, – и, подхватив свою сумку, деловым шагом почесал на выход.

Признаться, я рассчитывал поболтать с ним о жизни после уроков. Похоже, что для него школьные отношения прекращаются с окончанием занятий. Да и хрен с ним, меня в принципе это устраивает – я тоже не придавал школе слишком много значения.

Я ровным шагом прошёл по лестницами и коридорам, вышел на школьное крыльцо.

– Эй, курить есть? – спросили меня ломким баском.

Я обернулся к троем парням из старших классов и помотал головой, ответив:

– Не курю.

– Тебя чего спросили? – презрительно поинтересовался долговязый юноша. – Я тебе сука не доктор. А курить чтоб носил. Понял?

Я пожал плечами и, не удостоив его ответом, спокойно пошёл дальше. Ну, что они мне могут сделать? Плевать на их глупые понты. Мне в спину что-то неразборчиво – не вслушивался – злобно проворчали. Вот, сами поняли, куда я их послал без слов.

От крыльца я свернул на спортплощадку, вроде бы, так кратчайший путь к остановке метро. Идти на маршрутку не хотелось совершенно. Прошёл я, значит, через площадку, вышел через боковую калитку в заборе. И размышляя, нафига было городить забор, вошёл во дворик пятиэтажки.

А там на тротуаре стоит Денис и трое старшеклассников. Я успел заметить, как Деня протянул им сотенную бумажку, один из парней её забрал и что-то насмешливо проговорил. Деня развернулся уходить, и другой наподдал ему ногой по заднице.

Картинка мне прямо очень-очень не понравилась! Незаметно уйти и забыть? А как потом общаться с Денисом? Я немного ускорил шаг и догнал Деню. Спросил отрывисто:

– Ты им должен, что ли?

– Ничего я не должен! – злобно ответил он. – Твоё какое дело? Иди домой!

Внутри у меня зашевелилось что-то нехорошее... холодное, злое. Однако поучить манерам толстого я ещё успею. Старшеклассники неспешно удалялись по своим делам, я крикнул им в спины:

– Эй, парни! Отдайте мальчику его деньги.

Парни обернулись ко мне весёлыми мордами. Самый длинный сказал:

– Ну, иди сюда.

Я поставил на асфальт сумку и ровным шагом направился к ним. В душе воцарился абсолютный покой, парни отчего-то казались даже симпатичными. Те, что стояли по краям, отшагнули от центрального подальше. Угу, чтоб друг дружке не мешать... мне почему-то стало так весело! Они смотрели на меня, прищурившись... такие забавные! Ути-путиньки!

Я взял чуть левее, чтоб упростить им задачу. Соответственно слева на меня сразу и напали. Ухожу с линии атаки с разворотом и начинаю вертушку. Вот и правый подошел, ему прилетает пяткой ступни экзo в затылок. Падает, как подрубленный. Первые двое меня на короткое мгновение потеряли, напоминая о себе – одному достаётся «маваши» в печень. Второй, наконец, меня увидел и наносит круговой удар ручищей. Ну, не знаю я, как такое называется – просто дилетантский удар сбоку в махалове.

Парни меня крупнее и, может быть, даже сильнее, да толь-

ко я в симуляторах и не таких бойцов выношу. Рву дистанцию и с разворотом, чтоб с опорой на экзо, удар локтем дентинушке в лоб. Слетел с копыт аж подковами кверху!

Так, кто тут жалобно стонет такой скособоченный? Умора просто! Тот, кто взял у Дени столтник! Уси-пуси, ляля! Делаю шаг к нему и наношу удар ногой от груди в диафрагму. Экзо придаёт усиление, совсем немного, но ему хватило, чтобы упасть на асфальт и кашлять.

– Так вернёте мальчику деньги? – спросил я ласково.

Недоросль сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил зажатый в пятерне комок купюр. Протянул мне. Я с удовольствием врезал ему по кисти, бумажки разлетелись веером.

– Ой, потерял! – воскликнул я. – Осторожнее надо! – и приговорил с холодным бешенством. – Ты же не думал, мразь, что тебя тут грабят?

Лёгкий ветерок погнал по асфальту комки купюр. Нестерпимо хотелось ещё хотя бы разок приложиться ступнёй экзо к этому животному! Но я вдруг как бы со стороны отчётливо понял, что одного раза мне будет мало... и я его убью.

Сцена перестала казаться забавной. Ватным одеялом накрыло усталостью и приятным опустошением. Мерзавцы наказаны, дело сделано. Можно спокойно поговорить с Денисом, ведь ради этого я тут всё устроил?

– Ты худеть ещё не передумал? – спросил я его.

Он неуверенно улыбнулся и ответил:

– Передумал. Но сейчас у меня точно нет денег.

– У меня на карточке хватит на бургерную, – сказал я небрежно. – Есть тут неподалёку?

– Конечно, есть! – проговорил Денис с воодушевлением. Он взял мою сумку и подошёл ко мне. – Пойдём, покажу.

По пути разговорились... то есть Денис болтал, а я через силу поддерживал разговор. Моей спине приключение сильно понравилось, и она принялась высказывать претензии. К счастью идти было действительно недалеко.

В заведении на мою удачу народу было немного. Отстояв короткую очередь, взяли по бумажной упаковке картошки фри с курицей и по гамбургеру с большими стаканами колы. Наконец, уселись за стол.

Я достал из сумки уже заправленный обезболивающим шприц и под столом вколол себе в бедро через штаны. Денис, конечно, всё заметил и прошептал:

– Что это?

– Витамины, – процедил я. – Погоди минутку...

Деня приступил к картошке, поглядывая на меня... явно не зная, что обо мне думать. Через минуту я сделал пару глотков колы через трубочку и смог продолжить разговор:

– Ну, спина у меня реально болит.

– Да? – с сомнением проговорил Деня. – Ты так дрался, что... я не знаю здоровых, кто так может.

Я пожал плечами и тоже занялся картошкой.

– А вот твой скелет, наверно, очень дорогой? – задал Де-

нис умный вопрос.

– Родители взяли в кредит, – сказал я небрежно. – Ты лучше скажи, почему таскаешь наличные? У тебя нет карточки?

Денис печально вздохнул и стеснительно проговорил:

– Карточку мне родители аннулировали. Чтоб в игре не мог донатить.

Я покачал головой – вот у всех в жизни свои сложности!

– Хочешь, пошли ко мне? – предложил он. – Родители на работе, покажу свою игру.

– Только не сегодня, – сказал я. – Первый день ведь пошёл в школу – ждут меня, волнуются.

– Неплохо для первого дня, – хмыкнул Денис. – Ладно, в другой раз покажу.

Глава 7

Мы вышли из кафе и простились до завтра. Денис пошёл прямо домой, он жил недалеко от школы, а я на станцию метро. Мне предстоял неблизкий путь с пересадкой на другую ветку, а потом оставалось лишь вызвать такси до дому. Сразу брать такси через полгорода, тем более в разгар дня, было бы слишком долго и дорого.

Путь домой занял немногим более часу, и всё это время я с обязательным покер-фэйс предавался недетским раздумьям. Подействовало обезболивающее, и не перед кем стало корчить невозмутимость, вот и навалился запоздалый страх.

Ёлки-палки! Да те трое могли меня просто изуродовать! Физически! На самом деле!

Мне живо припоминался жалкий я, каким увидел себя первый раз в зеркале. И вот это полезло к троим бугаям наводить справедливость?! И не обосралось от одной только идеи к ним лезть!

Да это же моя первая в жизни драка! И вот так – из-за какого-то толстого незнакомого пацана?! Да мне даже ради защиты Родины нельзя драться! Ну, в армию точно не возьмут. И неизвестно, чего мне будет стоять эта драка. Боль точно не прошла совсем, она обязательно вернётся – дома мне предстоит долгая медитация...

Но почему-то в тот момент не возникло, ни страха, ни со-

мнений. Злодеи казались такими забавными, симпатичными... я для смеха мог бы поотрывать им ручки-ножки, как злой мальчишка отрывает крылышки мухам.

Мне стало ясно, что в тот момент я был кем-то... другим. То есть не совсем другим или чужим, просто собой мне ещё незнакомым. И нужно откровенно признаться – мне понравилось быть таким. Невероятное сочетание абсолютного спокойствия и веселья, ясная голова, точный расчет... просто полная ясность во всём.

Кстати, ясно, что быть таким всегда не получится при всём желании. И хорошо, и ладушки. Такой я просто опасен даже для себя самого. И э... это весьма непростой вопрос, насколько я опасен для окружающих. Чёрт знает, что меня может завести, что покажется несправедливым...

Точно! Я же просто взбеленился сперва от несправедливости – трое великовозрастных уродов издеваются над заведомо беззащитным. И фиг пойми, как избегать подобных ситуаций, несправедливости в жизни много. Ну, можно надеяться, что тем троим хватило впечатлений, и от Дениса они отстанут. А что до прочих...

Вот в прочих случаях нужно стараться себя контролировать. Ведь смог же я остановиться, не пинать ту скотину дальше. Смешная штука! Оказывается, чтобы прекратить избивать врага необязательно испытывать к нему жалость, не было мне тогда его жаль. Было простое решение – достаточно.

И это вселяет в меня оптимизм. Ещё бы научиться решать всё словами – спина зараза после драки болит! И это ведь в экзоскелете, а как бы я дрался сам? Вообще-то, главное событие дня вовсе не драка...

А ведь сегодня случилось новое событие в моей жизни! Лена Логинова... и непонятно, как жить после этого дальше. Таким уродцем! Вот кто будет целоваться со мной в экзоскелете? Не говоря уже о чём-то большем. Придётся читать ей стихи. А пока не представилось случая почитать, придётся их писать...

Я встряхнул головой, отгоняя морок. Девчонка мне ещё слова не сказала, даже не улыбнулась, а меня уже таращит! Вот это точно бред! Хватит с меня и одного сумасшествия, лучше побуду простым тайным маньяком – в том состоянии я всё-таки немного себя контролирую. Хотя бы не думаю писать стихи.

* * *

Итак, началась в моей жизни счастливая школьная пора. Только счастье стало ощущаться далеко не сразу. Папка сказал, что с обыденностью не нужно бороться, не следует гоняться за впечатлениями, пытаться отвлечься от рутины. Напротив, нужно в неё полностью погрузиться и просто поймать ритм. Поймать волну, и тогда оно покатится само собой.

В жизни трудно обойтись без подпорок, нужно уметь ис-

пользовать даже свои странности. Первые дни я преодолевал путь до школы только потому, что знал – там я снова увижу Лену. Просто увижу, и этого мне хватало, чтобы не чувствовать себя несчастным и не беситься из-за бездарно убитого времени.

Вдобавок мы с Денисом оказались в разных подгруппах по английскому, то есть главное, что я был в одной подгруппе с Леной. Она почему-то на всех уроках сидела за партой одна. Наверное, подавляет окружающих совершенством, или характер у девочки ангельский.

Никогда не задумывались, почему ангелы редко встречаются, и, как правило, ходят по одиночке? У меня мама на секундочку ангел, так что я-то точно в курсе. И меня как раз тянет к совершенству. В общем, на первом же уроке английского я с неизменным покер-фэйс уселся за её парту.

Невозмутимо приготовился к уроку и уставился строго прямо перед собой. А одноклассники отчего-то дружно смотрели на меня. Лена насмешливо, остальные с интересом и сочувствием. У меня стало опасно закипать в районе души – да что эта ссыкуха тут из себя корчит?! Я обратился на неё холодный взгляд и спросил:

– Нравлюсь, что ли?

Она приоткрыла ротик, однако слов сразу не нашла.

– Вон туда смотри, – подсказал я, указав пальцем на доску.

Лена отвернулась. Целую секунду она смотрела вперёд, всё гуще краснея. Наконец, резко повернула ко мне очень

решительное личико и снова открыла рот.

– Учитель, – шепнул я.

На мою удачу в класс действительно вошла учительница, молодая и весьма симпатичная Светлана Васильевна. Пожелала нам по-английски доброго утра и сразу начала урок. Я почувствовал себя уверенней. Не просто так занимался с репетиторами, и мама меня неплохо подтянула. Мы с ней даже читали «Тома Сойера» в оригинале. Грозилась вскоре взяться за Уильяма Шекспира.

Так что по ходу занятий ничего сложного меня не ждало. Светлана Васильевна вела урок непринуждённо, временами весело. Опросила класс. Более-менее прилежные детки в ответ на её вопросы старательно коверкали английский, Серёга Дрымов без выражения повторял волшебные слова «донт кнов», и все были довольны. Во второй половине написали короткую контрольную по грамматике, и на сладкое учительница выдала для заучивания новую порцию неправильных глаголов и топик типа «Ландан из зе кэпитал оф...».

За всё время я ни разу не повернул к Лене головы, а после звонка просто собрал вещи и вышел. Я сидел с ней за одной партой – что ещё нужно человеку для счастья? После уроков по сложившейся традиции пошли с Денисом в обжорку, и я спросил его невзначай, что не так с Леной. Почему она ни с кем не дружит?

– А у неё брат в одиннадцатом классе, – пояснил Деня. – Псих просто.

– И что с того? – не уловил я сути.

– Пожалуется ему, поймает и наkostenяет, – развил Денис идею.

Я иронично задрал брови.

– Ну, тебе, может, и не наkostenяет, – сделал Деня поправку. – А другим это всё нафиг не сдалось.

* * *

После кафе я просто по дороге на метро и немного на всякий случай провожал Дениса почти до подъезда, и однажды он уговорил зайти к нему посмотреть его игру. Мне самому стало интересно, с чем это он так носитя.

Обитал он с родителями в стандартной двушке, где предки выделили ему комнату. Вернее, ему и его компьютеру. Стены и шкаф Деня оклеил постерами с какими-то фэнтезийными видами, ещё в помещении имелся раскладной диванчик и у окна компьютерный стол, разумеется, с компьютером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.